VI Археологическій съѣздъ

ВЪ ОДЕССѢ.

ПЕРВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ.

Въ среду, 15 августа, въ часъ дня, состоялось первое общее собраніе VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ г. Некрасовымъ, профессоромъ Новороссійскаго университета и. д. попечителя одесск. учебнаго округа, по случаю выѣзда г. попечителя и ректора университета, былъ открытъ и самый съѣздъ.

Торжество началось молебствіемъ въ университетской церкви, послѣ котораго, какъ члены съѣзда, так и присутствовавшая публика, перешли въ актовую залу университета. На кафедру вышелъ г. Некрасовъ. Заявивъ о Высочайшемъ разрѣшеніи VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, г. профессоръ перешелъ къ характеристикѣ того интереса и тѣхъ выгодъ, которыя представляются какъ самому дѣлу съѣзда, такъ и гг. членамъ его въ научномъ отношеніи отъ выбора для VI съѣзда такого интереснаго въ историческомъ и археологическомъ смыслѣ мѣста, какъ Одесса. Какъ изъ факта существованія историко-археологическихъ учрежденій въ Одессѣ, такъ и изъ перечня тѣхъ выдающихся ученыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, которые своимъ рожденіемъ, воспитаніемъ или дѣятельностью принадлежатъ Одессѣ, ораторъ заключилъ, что интересъ и любовь къ историко-археологической наукѣ живутъ въ Одессѣ и они живутъ не только между людьми, посвятившими себя наукѣ, но и между самымъ обществомъ, самой публикой. Такія имена, какъ Надеждинъ, или Мурзакевичъ, котораго можно считать устроителемъ одного изъ древнѣйшихъ археологическихъ музеевъ въ Россіи (музей общества любителей исторіи и древностей въ Одессѣ), наглядно подтверждаютъ мысль оратора; къ этому еще можно прибавить, что Одессѣ-же принадлежитъ своею дѣятельностью и извѣстнѣйшій русскій археологъ Брунъ, къ ученымъ трудамъ котораго принадлежитъ такое капитальное изслѣдованіе, какъ: «Черноморье». Трудъ этотъ посвященъ исключительно нашему южному краю и притомъ той части его, которая имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ Одессѣ. Это сочиненіе въ честь памяти покойнаго историка-археолога издано университетомъ. Особенный интересъ въ трудахъ этого ученаго представляетъ полуостровъ Березань; интересъ этотъ не угасъ и до сихъ поръ, такъ какъ гг. члены VI археологическаго съѣзда тоже нашли нужнымъ устроить туда экскурсію. Наконецъ, Одессѣ принадлежитъ своею дѣятельностью и своими трудами и извѣстный одесситамъ профессоръ Григоровичъ. Его трудамъ принадлежатъ историко-археологическія изслѣдованія по Днѣпру и въ Херсонесѣ. Эти мѣста также не лишены громаднаго

историко-археологическаго интереса и изслѣдованіе этихъ мѣстъ входитъ также въ программу теперешняго съѣзда. Туда даже назначается ученая экскурсія гг. членовъ.

Вотъ тѣ имена, которыя, въ связи съ историческимъ интересомъ самой мѣстности, привели оратора къ его мысли,—«теперь самое удобное время помянуть эти имена».

Затѣмъ ораторъ въ краткихъ словахъ далъ характеристику извѣстнаго направленія послѣдняго времени археологіи въ западной Европѣ; онъ констатировалъ тотъ фактъ, что тамъ возникло стремленіе къ изслѣдованію чисто классическихъ (греческихъ) древностей; указалъ на плодотворность такого движенія и при этомъ прибавилъ, что наши изслѣдованія въ области археологіи и нашъ теперешній съѣздъ «тоже какъ-бы примыкають туда»,—у насъ тоже развивается интересъ къ изслѣдованіямъ греческихъ памятниковъ старины, разсыпанныхъ на югѣ нашего отечества; но у насъ есть и чисто національныя особенности, т. е. помимо общей идеи мы еще руководимся интересами присущими и соприкасающимися къ исторіи нашего народа, нашей земли. А нашъ край въ этомъ отношеніи представляетъ громадныя богатства, богатства, которыя, быть можетъ, трудно и встрѣтить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. «Много, очень много золота», золотыхъ монетъ, медалей и разныхъ другихъ остатковъ культуры древняго человѣка разсыпано въ нашемъ краю. Разсыпано все это въ землѣ, но случайныя и систематическія раскопки съ ученою цѣлью вывели эти историческіе документы на дневную поверхность—передали ихъ въ руки историка-археолога.

Чѣмъ-же объяснить это богатство памятниковъ въ нашемъ краю и при томъ такъ *преимущественно* въ нашемъ? Самый бѣглый взглядъ на исторію и отдаленнаго и недалекаго прошлаго дастъ полнѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отвѣтъ этотъ заключается вотъ въ чемъ: Всѣмъ извѣстно, что нашъ край есть какъ-бы историческая арена, черезъ которую продефилировали почти всѣ безъ исключенія народы Европы, какъ западной, такъ и восточной Европы. Переселяясь изъ Азіи, они всѣ должны были пройти черезъ Восточную Европу и или остановиться тутъ на болѣе или менѣе продолжительное время, или пройти сейчасъ же дальше. Такъ или иначе, но каждый изъ этихъ народовъ, вольно или невольно, но долженъ былъ оставить въ нашихъ краяхъ тотъ или другой слѣдъ своего пребыванія тутъ. Эти-то слѣды, въ формѣ монетъ, кургановъ, кладбищъ, разной глиняной и каменной посуды, каменныхъ и металлическихъ орудій и составляютъ тѣ историческіе документы, которыми теперь такъ дорожитъ и интересуется историкъ. Эти документы, добываемые или добытые въ нашихъ краяхъ, представляютъ не только для насъ интересъ: они обогатятъ и западную Европу и даже весь міръ, потому что поскольку они касятся къ намъ, постольку и ко всѣмъ остальнымъ историческимъ народамъ.

Таковъ смыслъ тѣхъ интересныхъ мѣстъ изъ рѣчи уважаемаго профессора, на которыя (мѣста) мы почли нужнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Послѣ своей рѣчи г. профессоръ отъ имени г. попечителя одесскаго учебнаго округа (отсутствующаго) объявилъ *VI съѣздъ археологовъ въ Одессѣ открытымъ*.

Послѣ рѣчи профессора Некрасова была прочтена отвѣтная телеграмма почетнаго предсѣдателя VI археологическаго съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича, полученная въ день открытія съѣзда, слѣдующаго содержанія: «Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, принимая предсѣдательство, благодарю васъ и членовъ VI археологическаго съѣзда за вниманіе; сердечно сожалѣя, что не могу присутствовать на съѣздѣ при моемъ глубокомъ сочувствіи къ его работамъ и къ изученію старины нашего отечества, увѣренный въ истинной пользѣ нынѣшняго съѣзда, желаю отъ души полнаго успѣха».

Городъ и съѣздъ на первомъ собраніи обмѣнялись взаимными привѣтствіями и со стороны города, пріютившаго въ своихъ стѣнахъ гг. членовъ съѣзда, былъ назначенъ представителемъ г. городской голова Маразли. Въ своей привѣтственной рѣчи онъ отъ имени города заявилъ, что Одесса рада и гордится, видя въ своихъ стѣнахъ столь многочисленныхъ и столь знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ представителей науки. Кромѣ того, городъ ждетъ отъ этого съѣзда очень много: онъ обогатитъ наши историческія познанія о южномъ краѣ, а это имѣетъ для Одессы, какъ представительницы южной Россіи, очень большое значеніе,

такъ какъ исторія южнаго края имѣетъ много общаго съ исторіей Одессы. Въ силу этого, онъ, какъ городской голова, и шлетъ свое привѣтствіе гг. членамъ съѣзда, какъ труженникамъ науки, и желаетъ имъ отъ своего имени и имени уполномочившихъ его гражданъ полнѣйшаго успѣха въ ихъ научныхъ работахъ.

Присутствовавшая въ залѣ собранія публика очень живо отнеслась къ словамъ своего представителя, и, какъ-бы въ доказательство этого, покрыла его рѣчь громкими аплодисментами.

На каѳедру взошелъ профессоръ нашего университета г. Кондаковъ. Въ качествѣ предсѣдателя «предварительнаго комитета по дѣламъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ», онъ предложилъ вниманію публики и гг. членовъ отчетъ этого комитета,—отчетъ, захватывающій собою время дѣятельности комитета, начиная со дня закрытія 5-го съѣзда археологовъ въ Тифлисѣ и по настоящее время, т. е. по день открытія VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Отчетъ этотъ касается предварительныхъ трудовъ комитета при устройствѣ VI съѣзда и мы о немъ упомянемъ только вскользь, такъ какъ разными своими частями и въ разное время въ такъ называемыхъ «Извѣстіяхъ о VI-мъ съѣздѣ археологовъ въ Одессѣ», онъ почти весь переданъ на столбцахъ нашей газеты. Мы отмѣтимъ только здѣсь тѣ выдающіяся и интересныя мѣста отчета, которыя относятся къ исторіи возникновенія разсматриваемаго нами съѣзда.

Авторъ отчета заявилъ о томъ интересѣ, съ какимъ отнеслись разныя историко-археологическія общества, учрежденія и даже отдѣльныя лица на приглашенія предварительнаго комитета принять участіе въ трудахъ VI съѣзда и констатировалъ тотъ фактъ, что этотъ интересъ выразился и въ массѣ предложенныхъ вниманію съѣзда работъ, рефератовъ и научныхъ вопросовъ. И то, и другое видно изъ того, что почти всѣ общества и институты прислали своихъ депутатовъ на съѣздъ и что насчитывается около 140 вопросовъ, которые предстоитъ разобрать на текущемъ съѣздѣ. Всѣ эти рефераты и сообщенія имѣютъ громадное научное значеніе; но дѣятельность съѣзда только ими не исчерпывается: какъ до съѣзда, такъ и во время его, было организовано и будетъ послано нѣсколько научныхъ экспедицій въ мѣстности, относящіяся къ южнымъ краямъ Россіи. Изъ такихъ экспедицій нельзя не упомянуть о экспедиціяхъ на Березань, на Днѣпръ, въ Константинополь нашихъ профессоровъ г. Васильевскаго и г. Кондакова. Эти экспедиціи дали богатые результаты и матеріалъ научный съѣзда, и его археологическая выставка обогатились массою совершенно новыхъ фактовъ и новыхъ предметовъ. Эти факты были добыты при изслѣдованіяхъ памятниковъ старины въ упомянутыхъ мѣстностяхъ и при разрываніи куртановъ. Комитетъ распорядился фотографировать мѣстности и предметы изслѣдованья (эти фотографіи выставлены въ залахъ выставки въ университетѣ). Перечисляя далѣе ученыя изслѣдованья, нельзя не упомянуть объ изслѣдованьяхъ Лучицкаго въ Полтавской губерніи, потомъ въ «Запорожской Сѣчи».

Докладчикъ изъявилъ благодарность гг. изслѣдователямъ и констатировалъ важность и интересъ ихъ работъ для науки, какъ этихъ (перечисленныхъ) работъ, такъ и работъ, которыми теперь занимается археологія, это изданіе древнихъ надписей припонтійскихъ колоній. Объ этомъ направленіи археологіи мы упоминали уже при пересказѣ рѣчи г. Некрасова.

Далѣе авторъ выставилъ значеніе и содержаніе археологической выставки при съѣздѣ и упомянулъ о томъ, что въ трудахъ съѣзда принимали и принимаютъ большое участіе какъ частныя лица, такъ (особенно) и духовенство.

Докладчикъ закончилъ свою рѣчь благодарностью одесской городской думѣ за то участіе, которое она приняла въ съѣздѣ археологовъ въ Одессѣ, и благодарностью «русскому обществу пароходства и торговли» за его помощь, которую оно оказало съѣзду командированіемъ особаго парохода въ распоряженіе гг. членовъ съѣзда для ихъ научныхъ экскурсій. Таково содержаніе доклада, въ которомъ докладчикъ перечислилъ также всѣхъ представителей и депутатовъ отъ разныхъ археологическихъ обществъ, институтовъ и университетовъ и всѣхъ лицъ, получившихъ то или другое назначеніе при съѣздѣ; но эта сторона доклада была уже также напечатана въ нашей газетѣ. Мы только не можемъ не отмѣтить еще слѣдующаго факта.

Когда докладчикъ произнесъ имена прибывшихъ иностранныхъ гостей на съѣздъ, то публика и гг. члены встрѣтили эти имена громкими апплодисментами.

Засѣданіе было закрыто около 3 часовъ чтеніемъ слѣдующихъ полученныхъ съѣздомъ телеграммъ: «Петербургское православное палестинское общество шлетъ искренній привѣтъ 6-му археологическому съѣзду въ день его открытія и, глубоко сочувствуя ему, увѣрено въ той пользѣ, которую онъ принесетъ наукѣ».

«Собранія археологическаго музея чешскаго королевства: «Искренне желаемъ успѣха археологическимъ трудамъ великаго братскаго народа русскаго, котораго работы въ этой области проливаютъ свѣтъ одинаково и на древности чешскаго народа».

Изъ Казани, отъ профессора Корсакова: «Сердечно привѣтствую ваше сіятельство и представителей науки древностей съ открытіемъ VI-го археологическаго съѣзда, глубоко сожалѣя, что не могу присутствовать лично».

Затѣмъ историкомъ Д. И. Иловайскимъ произнесена рѣчь въ отвѣтъ на привѣтствіе археологическаго съѣзда городскимъ головою Г. Г. Маразли.

Мм. гг.! Товарищи мои, прибывши изъ разныхъ краевъ Россіи, возложили на меня пріятную обязанность выразить настоящему собранію тѣ чувства, которыя одушевляютъ ихъ въ данную минуту. Намъ, преимущественно людямъ сѣвера, въ особенности жителямъ внутреннихъ, континентальныхъ областей, трудно противустоять тому обаянію, тому чарующему впечатлѣнію, которое производитъ видъ нашего южнаго моря съ его далекимъ синимъ горизонтомъ, съ цвѣтущимъ торговымъ городомъ на его берегу, съ гаванью, покрытой большими и малыми судами. Видъ этихъ кораблей и этого моря, когда-то называвшагося по преимуществу «русскимъ моремъ», переноситъ насъ въ ту отдаленную эпоху, когда наши предки, отважные руссы, на своихъ утлыхъ ладьяхъ плавали по немъ въ славную Византію, которая тогда еще стояла въ полномъ блескѣ своихъ дивныхъ сооруженій, своей высокой развитой гражданственности. Затѣмъ воображеніе переносится въ еще болѣе отдаленную эпоху, когда сѣверные берега Эвксинскаго понта были заняты эллинскими колоніями, а въ сосѣднихъ съ ними степяхъ кочевали скиѳо-сарматскія племена, среди которыхъ были несомнѣнно и племена славянскія, имѣвшія такимъ образомъ полную возможность, при сношеніяхъ съ этими колоніями, вмѣстѣ съ произведеніями эллинской промышленности черпать и нѣкоторые зачатки эллинской цивилизаціи.

Много вѣковъ прошло съ той поры. Въ понтійскихъ степяхъ исчезъ повидимому и самый слѣдъ скиѳо-сарматскихъ городовъ; послѣ нихъ здѣсь являлись и жили другіе народы, которые въ свою очередь также, съ теченіемъ времени, уступали мѣсто инымъ обитателямъ или оставляли по себѣ безслѣдныя пустыни. Понтійскія степи составляли часть того широкаго пути, по которому совершались народныя движенія изъ великой средне-азіатской равнины въ европейскія страны и преимущественно въ области придунайскія. Движенія этихъ народовъ вызывались и сопровождались ихъ взаимной кровавой борьбой; здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо господствовало право сильнаго, такъ какъ въ открытой ровной странѣ трудно было противиться нашествію болѣе многочисленной или болѣе хищной орды; природа не давала почти никакихъ естественныхъ преградъ, съ помощью которыхъ можно было бы отстоять свои родныя пастбища, свои семьи и очаги. Столько смѣнявшихъ другъ друга племенъ, унесенныхъ волнами великихъ народныхъ движеній и не оставившихъ по себѣ никакихъ прочныхъ памятниковъ на земной поверхности, казалось-бы, исчезли для нихъ безслѣдно: одни только ихъ темныя имена и названія сохранились въ твореніяхъ древнихъ или средневѣковыхъ историковъ и географовъ; имена, сопровождаемыя иногда нѣкоторыми замѣтками объ ихъ правахъ и обычаяхъ, замѣтками часто весьма сбивчивыми и мало вразумительными, за исключеніемъ, конечно, классическаго описанія скиѳовъ отцомъ исторіи Геродотомъ.

Но вотъ въ сравнительно недавнее время на помощь нашей наукѣ выступили другаго рода памятники. Вся южная Россія, какъ вамъ извѣстно, усѣяна безчисленными насыпями или маленькими курганами, которые мѣстами даже утратили свой рельефъ и почти сравнялись съ землею. Археологическая наука обратилась къ этимъ древнимъ могиламъ, къ этимъ безмолвнымъ свидѣте-

лямъ минувшихъ эпохъ и въ нѣдрахъ земли стали отыскивать ясные слѣды когда-то жившихъ здѣсь народовъ. Передъ нами стала вскрываться цѣлая обширная область вѣдѣнія, цѣлое замогильное царство со множествомъ разнообразныхъ предметовъ быта и почти со всею домашнею обстановкою тѣхъ племенъ, къ которымъ принадлежали покойники; изучая и сравнивая эти предметы и разныя принадлежности погребенія, вмѣстѣ съ антропологическими остатками, провѣряя всѣ эти данныя по извѣстіямъ писателей, наука получила возможность точнѣе опредѣлять, какіе именно народы обитали въ южной Россіи или двигались черезъ нее далѣе на западъ и какія были степени ихъ гражданственности; подобныя данныя кромѣ того проливаютъ свѣтъ на ихъ физическій типъ, религіозныя вѣрованія и даже на ихъ соціальныя отношенія.

На этомъ приведенномъ мною примѣрѣ я желаю только наглядно показать вамъ, мм. гг., значеніе и современныя задачи археологической науки. Изъ круга ея занятій я выбралъ данный примѣръ потому, что онъ ближе всего подходитъ къ Новороссійскому краю, который имѣетъ своимъ умственнымъ, экономическимъ и административнымъ средоточіемъ городъ Одессу. Не говорю собственно о массѣ эллинскихъ древностей, которыя трудами мѣстныхъ археологовъ собраны въ этомъ городѣ со всего сѣвернаго черноморскаго побережья. По своему цивилизующему вліянію и сосредоточеннымъ здѣсь воспоминаніямъ, вашъ городъ въ настоящее время въ себѣ одномъ какъ-бы совокупляетъ значеніе такихъ древнихъ культурныхъ центровъ припонтійскаго сѣвернаго края, каковы были наиболѣе извѣстныя эллинскія поселенія: Тиросъ, Ольвія, Херсонесъ и Пантикапея. Вы видите, мм. гг., что Одесса—эта новѣйшая царица древняго Эвксинскаго понта, дорога намъ не только какъ богатый дѣятельный рынокъ, какъ большой красивый и европейски-благоустроенный городъ, но въ особенности какъ умственный, научный центръ, распространяющій свое образовательное вліяніе почти на цѣлый югъ Россіи.

Приносимъ свой искренній, задушевный привѣтъ всѣмъ мѣстнымъ научнымъ дѣятелямъ, а равно собравшимся здѣсь представителямъ и представительницамъ всего одесскаго населенія».

Первое засѣданіе отдѣленія «общіе вопросы».

Вчера, 16-го августа, состоялось первое частное засѣданіе членовъ съѣзда, въ программу котораго входило два реферата: 1) о первобытной орнаментаціи гончарнаго производства «древняго человѣка» князя Путятина и 2) Исторія Одессы, г. Орлова. Засѣданіе было открыто въ 11 час. дня предсѣдателемъ отдѣленія г. Энгельманомъ.

Объявивъ засѣданіе открытымъ, г. Энгельманъ прочелъ имѣющіе на немъ читаться рефераты и предоставилъ слово кн. Путятину.

Давая краткій отчетъ объ этомъ засѣданіи, мы въ виду того интереса, который понятно возбужденъ въ публикѣ вторымъ рефератомъ («Исторія Одессы на основаніи архивныхъ памятниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ»), сообщаемъ его подробно; относительно-же перваго («объ орнаментаціи гончарнаго производства») мы только дадимъ самый сжатый пересказъ, такъ какъ, не смотря на тотъ интересъ, который представляетъ этотъ докладъ, онъ слишкомъ спеціаленъ и наученъ для ежедневной хроники.

Авторъ началъ съ заявленія, что, въ виду краткости времени, предоставленнаго въ распоряженіе каждаго референта, онъ долженъ быть крайне краткомъ и потому будетъ говорить обще, дастъ общій очеркъ вопроса. Вопросъ, котораго коснулся авторъ, относится почти цѣликомъ къ такъ-называемому «каменному періоду» въ исторіи развитія человѣческой культуры, т. е. къ тому періоду, когда, вмѣсто теперешнихъ металли-

ческихъ орудій и оружій, человѣкъ по недостатку техническихъ знаній и неумѣнью обращаться съ металами, долженъ былъ довольствоваться каменными. Вотъ въ эту-то отдаленную эпоху, слѣды отъ которой остались намъ въ видѣ каменныхъ орудій, открываемыхъ при разныхъ раскопкахъ, и глиняныхъ издѣлій въ видѣ кухонной и хозяйственной утвари, человѣка интересовалъ уже вопросъ объ украшеніи этой утвари и этихъ орудій. Понятно, что эти украшенія были грубы и несовершенны, но они интересны для насъ въ томъ смыслѣ, что возстановляютъ передъ нами отчасти картину жизни первобытнаго человѣка и даютъ нѣкоторые намеки (какъ это будетъ выяснено ниже) на происхожденіе тѣхъ формъ и явленій человѣческой культуры, которыми мы пользуемся и теперь. Авторъ предупредилъ, что онъ будетъ разсматривать только коренныя формы орнаментовъ въ гончарномъ производствѣ, и объяснилъ, почему именно въ утвари первобытнаго человѣка почти всюду глина является первенствующимъ матеріаломъ при производствѣ. Это явленіе объяснить весьма легко, если взять только во вниманіе чисто техническія удобства глины, напримѣръ, сравнительно съ камнемъ, ея пластичность и то, что при несовершенствѣ техническихъ знаній и отсутствіи всякихъ инструментовъ, глина является едва-ли не единственнымъ матеріаломъ, съ которымъ человѣкъ могъ свободно обходиться. Ее онъ могъ лѣпить; обжигая, онъ могъ придавать ей твердость и, наконецъ, глинѣ онъ могъ придавать разныя лѣпныя украшенія. Разсматривая эти украшенія и изучая ихъ, мы этимъ удовлетворяемъ не только простому, такъ сказать, желанію знать, что это были за украшенія; тутъ вмѣстѣ съ этимъ мы изучаемъ эмбріональное состояніе такихъ отраслей человѣческаго искусства, какъ ваяніе, живопись, а быть можетъ эти украшенія могутъ дать ключъ къ разпознанію первоначальной исторіи развитія счетоводства и даже алфавита и т. д. Что связь тутъ есть и быть можетъ даже связь очень близкая, это можно, напримѣръ, видѣть изъ того, что хотя-бы, какъ это доподлинно извѣстно, даже въ Египтѣ и Китаѣ первоначальное письмо производилось на камняхъ и глинѣ. Это письмо, которое въ Египтѣ называлось гіероглифами, т. е. образнымъ письмомъ, такимъ, гдѣ фонетическій методъ буквъ не былъ еще приложенъ, имѣетъ нѣкоторую связь съ тѣми нарѣзками и украшеніями, которыя мы находимъ на глиняныхъ сосудахъ первобытнаго человѣка. Фактъ этотъ говоритъ въ пользу только что высказаннаго мнѣнія; хотя и надо признаться, что точное происхожденіе письменныхъ (фонетическихъ) знаковъ для насъ *точно* не выясненно, но авторъ высказалъ надежду, что это только потому, что наши знанія въ археологіи еще несовершенны и молоды; съ развитіемъ науки намъ станетъ ясно и это, какъ стало уже ясно многое другое, что прежде казалось совершенно непонятнымъ и темнымъ. Существуетъ много теорій по этому вопросу; но мы ихъ касаться не будемъ; скажемъ только со словъ автора, что образное письмо первобытнаго человѣка представляло изъ себя, главнымъ образомъ, изображеніе окружающихъ предметовъ, разныхъ движеній, орудій и т. д. Такимъ образомъ, человѣкъ передавалъ свои мысли и желанія, комбинируя и разнообразно сопоставляя эти изображенія. Все это раскрыли намъ разныя находки въ пещерахъ, которыя нѣкогда населялъ первобытный человѣкъ, раскопки въ курганахъ, которые служили ему похоронными могилами и въ которые онъ вмѣстѣ съ покойниками имѣлъ обыкновеніе зарывать и разную утварь, разныя орудія и т. д.

Слѣдя далѣе за исторіей высказанной нами связи, можно сказать, что эта связь имѣетъ широкое распространеніе какъ въ пространствѣ, такъ и въ формахъ. Мы упомянули раньше о Китаѣ и Египтѣ, теперь прибавимъ еще одинъ фактъ, относящійся къ жизни германскихъ народовъ. Оказывается, что этимологія теперешняго нѣмецкаго слова Buchstab (книга) означаетъ ничто иное, какъ «палка съ нарѣзями». Это этимологическое толкованіе слова ясно говоритъ намъ, что письменность, книгу, можно преемственно вывести изъ той первобытной формы человѣческаго письма, когда оно состояло въ разныхъ нарѣзкахъ пометкахъ и т. д. на деревѣ (палкѣ) или, быть можетъ, на камнѣ и глинѣ. Съ другой стороны, доподлинно извѣстно и твердо стоитъ въ наукѣ тотъ фактъ, что, напримѣръ, у скифовъ и у египтянъ орнаментація посуды появилась раньше даже всякой мысли и какой-бы то ни было письменности. Переходя теперь, слѣдовательно,

отъ одной формы къ другой, можно, быть можетъ, ихъ вывести одну изъ другой.

Такова въ общихъ чертахъ постановка этого вопроса, но авторъ перешелъ къ болѣе частному разбору и, между прочимъ, сообщилъ въ высшей степени интересный фактъ существованія этой эмбріональной, зачаточной письменности у насъ въ Россіи даже и по сіе время. Такъ, автору приходилось наблюдать въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ среднихъ губерній, какъ наприм., въ Псковской, Новгородской, Тверской существованіе той формы письменности, или, выражаясь точнѣе, способа дѣлать разныя численныя помѣтки по хозяйству и домашнему быту, которая носитъ названіе: «бирка». Эту форму письменности, форму первобытную, можно наблюдать въ видѣ наприм., нарѣзокъ на амбарахъ, дверяхъ, окнахъ и т. д., которыми отмѣчаютъ на память неграмотные хозяева разныя хозяйственныя статьи. Авторъ привелъ и нѣкоторые символическіе знаки для обозначенія большею частію цифръ. Даемъ нѣкоторыя:

1) полукружокъ въ формѣ луны обозначаетъ 50.

2) кружокъ въ формѣ солнца обозначаетъ 100.

3) Фигура въ формѣ воротъ служитъ для выраженія 500.

Цифра 3 изображается въ видѣ 3-хъ вертикальныхъ палочекъ и т. д.

Сравнивая и изучая это образное письмо въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, авторъ заявилъ, что оно носитъ разныя мѣстныя особенности, хотя въ общемъ можно прослѣдить сходство. Такъ, онъ указалъ на особенности новгородскаго письма или, вѣрнѣе, способа изображеній.

Этотъ памятникъ древней формы изображенія, памятникъ, который живетъ и дѣйствуетъ среди крестьянства поименованныхъ губерній и теперь, указываетъ тоже на связь, существующую между теперешнею письменностью и первобытнымъ способомъ древняго (отчасти и теперяшняго) человѣка дѣлать разныя помѣтки, необходимость которыхъ была вызвана не только однимъ чувствомъ прекраснаго, т. е. желаніемъ украшать свою утварь, но обстоятельствами болѣе насущными. Укажемъ, со словъ автора, на необходимость напримѣръ помѣчать ямочками, черточками и т. д. разную утварь для обозначенія принадлежности такой-то вещи такому-то лицу.

Далѣе авторъ упомянулъ о той теоріи, которая существуетъ для объясненія происхожденія цифровыхъ знаковъ, и высказалъ свое несогласіе съ нею. Пояснимъ примѣромъ. Говорятъ, что происхожденіе латинскихъ первоначальныхъ цифръ обусловливается аналогіею съ употребленіемъ пальцевъ руки въ подобныхъ случаяхъ. Цифра *одинъ* изображается одною вертикальною черточкою т. е. одинъ палецъ; два двумя и т. д. Цифра пять выражается двумя черточками сходящимися подъ угломъ внизъ; это объясняютъ тѣмъ, что тутъ вмѣсто писанья пяти вертикальныхъ черточекъ (пять пальцевъ), *сокращенно* пишутъ только двѣ черточки подъ угломъ, какъ-бы два крайнихъ пальца (большой и мизинецъ) и т. д. Авторъ возстаетъ противъ этого предположенія....

Далѣе авторъ далъ перечень тѣхъ фигуръ, которыми выражается и выражалось то или другое понятіе (мы дадимъ какъ примѣръ изображеніе круга, который долженъ былъ представлять собою отверстіе и т. д.), указалъ на различные методы этихъ украшеній и этихъ письменъ и упомянулъ о исторіи развитія ихъ. Отмѣтимъ такъ называемый ямочный орнаментъ на гончарной утвари и орнаментъ, употреблявшійся приморскими жителями на своей глиняной посудѣ, такъ называемый веревочный орнаментъ. Вѣроятно, веревками связывали утварь для приданія ей извѣстной крѣпости и, вѣроятно, это дѣлали передъ обжиганіемъ посуды. Такъ или иначе, но эти слѣды обвязыванья сохранились на гончарныхъ произведеніяхъ; такъ веревки оставили по себѣ отчетливыя изображенія на пластической глинѣ,—изображенія въ видѣ различныхъ узоровъ, цѣпочекъ, перекрещивающихся линій, форма которыхъ находится въ зависимости отъ того, какъ были сплетены и ссучены веревки. Украшенія другихъ родовъ производились или деревянными прутиками, или просто кондилусами человѣческихъ пальцевъ.

Эти орнаметы поражаютъ тою общностью, которая въ нихъ наблюдается; общностью, настолько бросающеюся въ глаза, что можно подумать, будто они одного и того же происхожденія.

Рефератъ свой авторъ закончилъ сообщеніемъ о довольно интересной находкѣ, ко-

торую ему пришлось сдѣлать въ области занимающаго его вопроса. Онъ нашелъ камень на которомъ оказалось изображеніе «Большой медвѣдицы». Такія находки въ археологіи приходилось дѣлать не только ему: нѣмецкій археологъ Шлимманъ нашелъ тоже изображеніе созвѣздій: «Плеяды» и «Малой медвѣдицы», выбитое на камнѣ. Коснувшись этого вопроса, авторъ указалъ, что изображенія перечисленныхъ созвѣздій довольно часты у славянскихъ народовъ особенно созвѣздія «Плеяды» и «Большой медвѣдицы».

Находки эти по мнѣнію автора имѣютъ важное значеніе и онъ высказалъ предположеніе, что обычай употреблять эти созвѣздія проникъ изъ сѣвера.

Таковы тѣ стороны, на которыя мы нашли нужнымъ обратить вниманіе читателей. Авторъ закончилъ свой докладъ повтореніемъ того, что онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ указать на ту связь, о которой мы говорили выше, и сожалѣніемъ, что, быть можетъ, мысли, высказанныя имъ, «покажутся очень смѣлыми».

Предсѣдатель предложилъ гг. членамъ съѣзда, не имѣютъ-ли они что-нибудь возразить просивъ только что доложеннаго реферата. Такъ какъ не оказалось ни одного оппонента, то по предложенію предсѣдателя было приступлено къ чтенію втораго реферата, назначеннаго на засѣданіе 16 августа, «Историческій очеркъ Одессы съ 1794 по 1803 годъ», къ которому мы теперь и переходимъ:

I. Постройка гавани и обращеніе бывшаго татарскаго селенія Гаджибея въ городъ Одессу. По заключеніи въ Яссахъ 29 декабря 1791 г. трактата вѣчнаго мира между Россіей и Портою Отоманскою, императрица Екатерина II, указомъ 26 января 1792 г. екатеринославскому губернатору Каховскому, повелѣла: обозрѣть пріобрѣтенную страну, раздѣлить оную на уѣзды и назначить «по способности» города. Въ томъ-же 1792 г. февраля 23 послѣдовалъ манифестъ о заключеніи мира и положеніи границъ рѣки Днѣстра. 5 мая того-же 1792 г. генералъ Каховскій рапортомъ Императрицѣ между прочимъ доноситъ: «Аджибей [1]) (нынѣ Одесса), назначенный вашимъ императорскимъ величествомъ для обитанія служившихъ въ Средиземномъ морѣ на флотиліи, лежитъ на возвышенномъ и пріятномъ мѣстѣ. Вода въ колодцахъ прѣсная и хорошая. Изъ вершины одной долины можно провесть фонтанъ до полувозвышенія, на коемъ полагается быть городу». Въ маѣ 1794 г. въ послѣдовавшемъ именномъ указѣ екатеринославскому и таврическому генералъ-губернатору графу Зубову, между прочимъ сказано: «Желая распространить торговлю россійскую на Черномъ морѣ и уважая выгодное положеніе Гаджибея и сопряженныя съ онымъ многія пользы, признали мы нужнымъ устроить тамъ военную гавань съ пристанью для купеческихъ судовъ». Устроеніе гавани возложено на вице-адмирала де Рибаса, съ назначеніемъ его главнымъ начальникомъ оной; непосредственное-же наблюденіе за производствомъ работъ поручено генералу графу Суворову-Рымникскому, съ назначеніемъ къ нему инженеръ-подполковника де-Волана, коего планъ города и Гаджибейской пристани утверждены [2]). Для строенія военной гавани избрано мѣсто на Черномъ морѣ, между устьями днѣпровскаго лимана и рѣки Днѣстра. Для завѣдыванія работами учреждена было въ г. Вознесенскѣ «коммисія строенія южныхъ крѣпостей и одесскаго порта». Изъ лицъ, входящихъ въ составъ коммисіи, упоминаются: инженеръ-полковникъ де Воланъ, подполковникъ Харламовъ, маіоръ Кайзеръ, цейхмейстеръ маіоръ Шорой и инженерная команда. Съ преобразованіемъ въ 1797 г. Вознесенской губ. въ Новороссійскую, коммисія уничтожена, а бывшія въ ней дѣла поступили въ вѣдомство черноморскаго адмиралтейства.

Для усиленія начатыхъ въ 1795 г. работъ гавани присылались изъ разныхъ губерній назначенные въ ссылку преступники. Къ 1798 г. устройство гавани для небольшихъ военныхъ и коммерческихъ судовъ бы.

[1]) Какъ въ документахъ московскаго архива министерства юстиціи, такъ и въ первомъ полномъ собраніи законовъ, называется различно: Аджибей, Хаджибейскій замокъ, Гаджибейская крѣпость и Гаджибейское татарское селеніе.

[2]) Копія съ подлиннаго плана Гаджибейской пристани, по проекту де-Волона, подписанному по волѣ Государыни статсъ-секретаремъ Грабовскимъ 21 мая 1794 г., найдена г. Скальковскимъ въ Херсонскомъ губернскомъ архивѣ.

ло вполнѣ окончено. Въ 1800 г. одесскіе граждане единогласно постановили отдѣлку гавани по подряду въ стороннія руки не сдавать, а предоставлять оную особому избранному изъ ихъ среды комитету подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина. Именнымъ указомъ сенату 27 января 1795 г. повелѣно учредить Вознесенскую губернію, съ губернскимъ городомъ Вознесенскомъ, при рѣкѣ Бугѣ, а изъ вновь образуемыхъ городовъ, татарское селеніе Гаджибей въ приписной къ Тираспольскій округъ городъ Одессу [3]). О переименованіи Гаджибея въ Одессу, ни въ документахъ московскаго архива министерства юстиціи, ни въ полномъ собраніи законовъ, указаній не имѣется. Въ историческомъ атласѣ академика Делиля, изданномъ въ Амстердамѣ въ концѣ XVIII в. на одной картѣ на западномъ и сѣверо-западномъ берегахъ Чернаго моря значатся два пункта, принадлежавшіе въ древнѣйшія времена грекамъ, подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ «Odessos». При одномъ изъ нихъ, гдѣ нынѣ находится городъ Одесса, показана крѣпость, а другой стоитъ на рѣчкѣ Варнѣ, гдѣ нынѣ г. Варна. На другой картѣ по берегу моря, близъ нынѣшней Одессы, стоитъ названіе Aureum litis» (Золотой берегъ). На основаніи показаній этого атласа, не слѣдуетъ-ли заключить, что въ половинѣ XV в. по паденіи Константинополя, въ числѣ прочихъ селеній и оба вышеозначенные пункта Odessos подпали подъ власть турокъ, причемъ крѣпость Odessos была названа Гаджибейской крѣпостью, а другое селеніе тогоже имени названо Варной. По ясскому миру 1791 г., Гаджибей присоединенъ къ Россіи, а по указу 27 января 1795 г. онъ названъ Одессою, по всей вѣроятности, въ память прежняго греческаго именованія.

II. Заселеніе города и злоупотребленія греческаго попечителя подполковника Кесъ-Оглу. Именнымъ указомъ 19 апрѣля 1795 г. графу Зубову поручено «устроеніе селенія единовѣрныхъ народовъ въ г. Одессѣ и окрестностяхъ онаго». Въ указѣ упоминалось какъ о поселеніи грековъ и албанцевъ, участвовавшихъ въ послѣднюю съ Турціею войну, такъ и о прочихъ единовѣрцахъ, вызываемыхъ изъ Архипелага и изъ другихъ мѣстъ. При этомъ было отпущено изъ казны 22.000 руб. для построенія каменныхъ домовъ съ лавками двухъ родовъ: три—каждый по 1.500 руб. и пятьдесятъ —каждый по 350 руб. Въ этихъ домахъ было предоставлено иноземцамъ жить безплатежно не болѣе года со дня пріѣзда, съ тѣмъ, чтобы въ это время они построили свои собственные дома. Въ случаѣ-же кто пожелаетъ занимаемый имъ казенный домъ оставить за собою, тому отдать его въ той цѣнѣ, во что обошелся казнѣ, со взысканіемъ денегъ втеченіи 5 лѣтъ. Для пособія неимущимъ переселенцамъ къ подъему съ мѣста и на хозяйственное обзаведеніе при самомъ водвореніи ихъ ассигновывалось на каждую семью отъ 100 до 150 руб., которые они обязаны было возвратить по прошествіи 10 лѣтъ, въ 3 года, по равнымъ частямъ. Когда число переселенцевъ увеличится до 57, то велѣно построить православную церковь, на которую ассигновано 2.000 руб. Всѣмъ вообще пребывающимъ на поселеніе иностранцамъ предоставленъ безпошлинный ввозъ имѣнія ихъ, въ чемъ-бы оное ни состояло, и сверхъ того товаровъ на продажу по цѣнѣ до 300 руб. Кромѣ того, они освобождались отъ всѣхъ податей и всякой службы на 10 лѣтъ, а по прошествіи этой льготы сравнивались съ природными россійскими подданными, исключая постоевъ, отъ которыхъ иноземцы на всегда увольнялись: для управленія греками и другими иностранцами при ихъ водвореніи, для охраненія ихъ отъ притѣсненій и вообще для попеченія обо всемъ, что къ благу ихъ относиться можетъ, опредѣленъ попечитель—грекъ коллежскій ассесоръ Кесъ-Оглу, съ награжденіемъ за прежнія его заслуги чиномъ подполковника и золотой медалью. Когда же число иностранцевъ значительно увеличилось, тогда рѣшено предоставить обществу самому избирать себѣ попечителя черезъ каждые три года.

Изъ грековъ и албанцевъ велѣно было составить воинскій отрядъ подъ названіемъ «дивизіона», въ составѣ до 300 рядовыхъ, съ

---

[3]) Указомъ Императора Павла 1797 г. Вознесенская губернія преобразована въ Новороссійскую и Одесса причислена къ оной. Затѣмъ съ раздѣленіемъ въ 1802 г.—Новороссійской губерніи на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, Одесса отнесена къ Николаевской, а съ переименованіемъ въ 1803 г. Николаевской губерніи въ Херсонскую, причислена къ послѣдней.

потребнымъ числомъ офицеровъ и прочихъ чиновъ. При этомъ отведено для нихъ и впредь прибывающихъ изъ-за-границы родственниковъ ихъ, въ окрестностяхъ Одессы, на берегу моря до 15.000 дес. удобной земли[4]), съ назначеніемъ въ собственность каждому нижнему чину по 25 дес., оберъ-офицерамъ по 50 и штабъ-офицерамъ по 120 дес., безъ платежа поземельныхъ денегъ. Кромѣ того назначено имъ къ отпуску безвозвратно на построеніе домовъ 10.000 руб. и небольшой церкви 500 руб., а для хозяйственнаго обзаведенія 20.000 руб., съ возвращеніемъ послѣднихъ по прошествіи 10-ти лѣтъ, въ три года. Изъ Высочайшаго указа графу Зубову отъ 15 апрѣля 1795 г. видно, что Императрица особенно заботилась о водвореніи въ Одессѣ грековъ и албанцевъ, оказавшихъ большія услуги нашему отечеству въ начатую въ 1787 г. войну съ Турціей. Но сформированному греческому «дивизіону» не суждено было воспользоваться вышеупомянутыми льготами и прежде чѣмъ они были введены во владѣніе землею, послѣдовалъ 20 мая 1797 г. указъ Императора Павла объ уничтоженіи дивизіона, вслѣдствіе чего и земля была отъ него отобрана. Вмѣстѣ съ тѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, которые уже обзавелись въ Одессѣ домами и хозяйствомъ, предоставлено остаться въ городѣ навсегда, съ исключеніемъ ихъ изъ войска; остальныхъ велѣно обратить въ то состояніе, въ какое кто добровольно вписаться пожелаетъ. Затѣмъ указомъ Императора Александра I, 29 августа 1803 г., отобранная земля снова назначена въ собственность служившимъ въ дивизіонѣ грекамъ и албанцамъ. Но такъ какъ офицеры и нижніе чины, несмотря на настоятельныя убѣжденія попечителя своего, не хотѣли приступать къ хозяйственному обзаведенію, то земля лежала необработанною, а офицеры и нижніе чины занялись мелкими промыслами[5]). Такимъ образомъ заселеніе вновь возникшаго города производилось преимущественно прибывающими изъ-за-границы иностранцами, а также и русскими подданными, стекавшимися изъ Крыма, окрестныхъ городовъ и разныхъ губерній. Для водворенія поселенцевъ, на постройку домовъ и на хозяйственныя обзаведенія отпущено было въ 1795 г. въ непосредственное распоряженіе вице адмирала де-Рибаса 31.500 руб. Изъ нихъ 11,200 р. употреблено на сооруженіе казенныхъ зданій, а остальные 20,300 руб. выданы греческому попечителю Кесъ-Оглу для раздачи заимообразно, за поручительствомъ надежныхъ лицъ, единовѣрцамъ, прибывающимъ изъ за-границы. Каждой семьѣ назначалось по 350 руб. на построеніе дома и отъ 100 до 150 на хозяйственное обзаведеніе. Сверхъ того, на постройку греческой церкви отпущено 500 руб. и пекарни 1000 руб. Лица, получившія деньги на постройку домовъ, обязывались подписками выстроить ихъ на отведенномъ имъ мѣстѣ къ концу октября 1795 г. и выплатить взятую ими сумму въ теченіи 5 лѣтъ, внося ежегодно по равнымъ частямъ. Въ исходѣ 1795 г. на южномъ концѣ вновь возникшаго города построено было 16 каменныхъ флигелей, длиною каждый въ 6, а шириною въ 3 сажени,—флигель состоялъ изъ двухъ помѣщеній (домовъ) съ лавками. Означенные флигеля предназначались собственно для поселенія грековъ и прибывающихъ изъ заграницы иностранцевъ, но греческій попечитель Кесъ-Оглу, вопреки ордера вице-адмирала де-Рибаса, помѣщалъ въ нихъ и другихъ всякаго званія лицъ, стекавшихся изъ Крыма и окрестныхъ городовъ. Такъ какъ къ концу 1796 г. не всѣ еще 16 флигелей были заняты, то изъ пустыхъ зданій, находившихся безъ всякаго охраненія, воровали рамы, двери, разламывали крыши и тѣмъ приводили ихъ въ разрушеніе. Поселившіеся въ казенныхъ домахъ, за истеченіемъ льготнаго безплатежнаго годоваго срока, оставляли ихъ, и одни уѣзжали обратно заграницу, а другіе скитались по городу и окрестностямъ онаго, такъ что къ началу 1798 г. все греческое предмѣстье оставалось пустымъ: изъ 32 казенныхъ помѣщеній занято было только 4 дома, а 28 домовъ пришли въ полное разрушеніе. Что касается до раздачи греческимъ попечителямъ отпущенныхъ изъ казны 20,300 руб., то и тутъ онъ дѣйствовалъ произвольно: вмѣсто положенныхъ на домъ

[4]) Эти 15.000 десятинъ, находившихся въ 20 верстахъ отъ Одессы, при рѣчкѣ Боробоѣ, были отобраны отъ капитана Вуковича за неисполненіе принятыхъ имъ на себя условій.

[5]) 9 ноября 1810 г. Высочайше повелѣно греческіе одесскій и балаклавскій баталіоны обратить въ военныхъ поселянъ съ передачей въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ.

350 руб. и на обзаведеніе отъ 100 до 150 руб., онъ показывалъ выданными по 500, по 1000 руб. и болѣе, и притомъ не однимъ лишь грекамъ и албанцамъ, но и другимъ всякаго званія людямъ. Вмѣсто денегъ большею частью онъ давалъ казенный лѣсъ, испрашиваемый имъ заимообразно изъ коммисіи, завѣдывавшей матеріалами при одесскомъ портѣ, а также рабочіе казенные инструменты, свой собственный матеріалъ и товаръ. По всѣмъ этимъ выдачамъ онъ бралъ съ поселенцевъ росписки въ полученіи ими не вещей, а сполна всей денежной суммы, чѣмъ и приводилъ ихъ въ бѣдственное состояніе и лишалъ возможности возвратить деньги своевременно въ казну. По случаю дороговизны на хлѣбъ въ 1795 г. отпущено, какъ выше сказано, изъ казны Кесъ-Оглу 1.000 р. на постройку пекарни съ цѣлью удешевленія хлѣба. Но Кесъ-Оглу выстроилъ родъ сарая съ печью, гдѣ пекли хлѣбъ собственно для его рабочихъ, поставляемыхъ имъ къ гаваньскимъ и крѣпостнымъ работамъ, но не на продажу, такъ что городскимъ жителямъ никакой пользы не было. Въ учрежденную въ 1795 г. при одесскомъ портѣ коммисію Кесъ-Оглу далъ обязательство выставить въ 1796 г. къ гаваньскимъ и крѣпостнымъ работамъ 200 паръ воловъ, съ повозками и упряжью, на покупку которыхъ получилъ изъ коммисіи 15.500 руб. Въ отчетѣ онъ показалъ израсходованными 8.900 р., а оставшіеся 6.600 р. обязался возвратить въ маѣ 1796 г., но вмѣсто возврата показалъ израсходованными на наемъ рабочихъ 5.200 р., затѣмъ воловъ продалъ мясникамъ, а повозки оставилъ у себя, такъ что оставался въ долгу коммисіи 10.300 р. Всѣ вышеозначенныя злоупотребленія Кесъ-Оглу обнаружились уже послѣ смерти его [6]), изъ донесенія бывшаго при немъ секретаря Дементьева, который въ отчетѣ показалъ, что на Кесъ-Оглу насчитывалось казеннаго взысканія всего 19.300 р. Вслѣдствіе этого, 29 ноября 1799 г., послѣдовалъ указъ изъ Новороссійскаго губернскаго правленія о наложеніи запрещенія на имѣніе его, находившееся въ Тираспольскомъ уѣздѣ.

Изъ вѣдомостей видно, что число поселенцевъ, прибывшихъ въ Одессу изъ заграницы, Крыма, окрестныхъ городовъ и другихъ губерній, начиная съ 1795 г., ежегодно увеличивалось, такъ что къ январю 1800 г. достигло мужескаго пола 2.595 душъ, а женскаго 1.141 душа. Въ Одессу переселялись лица разныхъ націй, именно: русскіе, греки, албанцы, молдаване, болгары, поляки и евреи. По капиталамъ и роду занятій они записывались въ купечество, мѣщанство и земледѣльцы. При провѣркѣ въ 1797 г. поселившихся оказалось значительное число безпаспортныхъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ равно и помѣщичьихъ. Нѣкоторые изъ нихъ записались по ревизіи въ граждане подъ чужими именами и фамиліями. При переписи людей, поселившихся на хуторахъ городской земли, оказалось 69 душъ, не записанныхъ ни въ какое званіе. По Высочайшимъ повелѣніямъ —первому 23 октября 1803 г., водворено въ Одессѣ 19 семей болгаръ и грековъ, составлявшихъ обоего пола 148 душъ, прибывшихъ изъ Румеліи, и второму — 17 октября 1803 г., поселены прибывшіе изъ Германіи колонисты. Изъ составленнаго въ 1799 г. именнаго списка горожанъ оказалось, что изъ числа 44 чел., получившихъ изъ казны деньги на постройку домовъ и обзаведеніе, нѣкоторыхъ не оказалось въ городѣ, а прочіе большею частію не имѣли по себѣ попечителей и были несостоятельными въ уплатѣ долга казнѣ. Вслѣдствіе этого послѣдніе были заключены подъ стражу, а поручителей обязали подписками не отлучаться изъ города. Въ такомъ положеніи находилось дѣло до манифеста императора Александра I 2 апрѣля 1801 г. «объ облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій», а 24 января 1804 г. послѣдовалъ именной указъ сенату «о продолженіи на 20 лѣтъ дарованныхъ г. Одессѣ льготъ, объ освобожденіи сего города навсегда отъ постоя и объ употребленіи 10-й части таможеннаго сбора для содержанія гавани въ Одессѣ». По вѣдомостямъ 1799 г. значатся выстроенными въ Одессѣ домовъ 506, фабрикъ и заводовъ 23, землянокъ 233, лавокъ 500 и погребовъ 111. Вокругъ города вырытъ ровъ. На городской землѣ заведено хуторовъ 117 и выстроено 17 мельницъ. На дорогахъ, ведущихъ въ городъ, учреждены шлагбаумы и рогатки, а

---

[6]) Со смертію Кесъ-Оглу должность греческаго попечителя была уничтожена.

внутри города караульныя будки, сошки и плацъ-парадное мѣсто.

III. *Ревизія*. 1794 г., іюня 23, именнымъ указомъ сенату повелѣно учинить въ государствѣ новую генеральную ревизію. Такъ какъ ревизія касалась и вновь возникшаго города Одессы, то отъ вицъ-адмирала де-Рибаса дано было предложеніе исправлявшему градоначальническую должность секундъ-маіору Киріакову произвести въ Одессѣ ревизію и окончить ее къ 1 іюня 1795 г. Хотя къ этому сроки и были составлены ревизскія сказки, но онѣ оказались неточными. Вслѣдствіе этого вице-адмиралъ де-Рибасъ, представляя генералъ-фельдцейхмейстеру графу Зубову вѣдомость о произведенной ревизіи, доносилъ, что въ ней стоятъ записанными въ купечество и мѣщанство такія лица, которыя ни капиталомъ, ни состояніемъ своимъ не соотвѣтствуютъ принятому званію. Кромѣ того, многіе, уже записанные въ ревизскія сказки, выбываютъ изъ города, и дабы чрезъ убыль не произошло городскому обществу какихъ-либо затрудненій, де-Рибасъ просилъ разрѣшенія вновь учинить перепись. Между тѣмъ, 10 января 1796 г. послѣдовалъ именной указъ сенату о скорѣйшемъ окончаніи въ государствѣ ревизіи и о взысканіи за неподачу сказокъ, сверхъ обыкновеннаго подушнаго сбора, по 5 к. съ души мужскаго пола. Для составленія новой ревизской сказки новороссійскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ Бердяевымъ поручено было совѣтнику вознесенскаго намѣстническаго правленія Лореру собрать точныя свѣдѣнія: 1) о поселившихся въ Одессѣ купцахъ и мѣщанахъ, 2) о торговлѣ и товарахъ, какъ отправляемыхъ за-границу, такъ и привозимыхъ оттуда, 3) о хлѣбопашествѣ и 4) о выгодахъ, какими пользуются жители. По собраніи на мѣстѣ свѣдѣній и по провѣркѣ ревизскихъ сказокъ, поданныхъ Кирьяковымъ только 23 февраля 1800 г., составлены въ магистратѣ точныя вѣдомости лицамъ, поселившимся въ городѣ. Изъ вѣдомостей видно, что въ Одессѣ, съ начала ревизіи, съ 1795 по 1800 г., состояло купцовъ россійскихъ, мѣщанъ, евреевъ, грековъ и болгаръ мужескаго пола 2595 и женскаго 1131 душъ.

IV. *Межеваніе*. Одновременно съ первоначальнымъ составленіемъ ревизскихъ сказокъ, въ маѣ 1795 г. произведено генеральное межеваніе Одессы, съ выгонною землею. Хотя въ 1795 г. межи и были въ натурѣ положены и межевые знаки поставлены, но сочиненіе плана окончено лишь 12 сентября 1797 г. Всего намежевано 5878 дес. 109 кв. саж., въ томъ числѣ подъ строенія самаго города назначено 901 дес. 1078 кв. саж. Земля, записанная во владѣніе городскихъ купцовъ и мѣщанъ, имѣетъ въ длину 10 верстъ, а въ ширину 6 верстъ. Въ 1802 г. статскій совѣтникъ Алтестій запродалъ одесскимъ купцамъ и мѣщанамъ смежную съ городскою землею принадлежащую ему слободу Деволановку до 17.000 дес. за 25.000 р., но покупка эта бывшимъ въ то время градоначальникомъ Дюкъ-де-Ришелье не была утверждена, а разрѣшено было пріобрѣсти только 10.000 дес., а остальныя 7000 дес. были проданы графинѣ Рудо-Марковской[7]). 22 января 1802 года Высочайше повелѣно: изъ отмежеванной городу земли, отдѣлить на выгонъ, сколько по закону опредѣляется; остальную затѣмъ землю раздать городскимъ жителямъ на хозяйственное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы въ однѣ руки поступало не болѣе 50 дес. Въ 1803 г. разрѣшено пріобрѣсти землю по близости города, покупкою у графа Потоцкаго, для поселенія на оной колонистовъ, прибывшихъ изъ Германіи.

V. *Городская администрація*. Дарованныя Императрицею льготы и денежныя пособія стали привлекать на поселеніе въ Одессу иностранцевъ и русскихъ. Въ донесеніи екатеринославскаго и таврическаго генералъ-губернатора графа Зубова Императрицѣ въ октябрѣ 1795 г. между прочимъ значится: «въ Одессу прибыло поселенцевъ 62 семейства, купечества 2-й гильдіи 5, а 3-й гильдіи 22, да разнаго званія людей 14 человѣкъ; поэтому не благоугодно-ли будетъ учредить особый магистратъ. 14 ноября, того-же года, послѣдовалъ графу Зубову имен-

---

[7]) Первоначально земля эта находилась въ общемъ владѣніи. Лишь въ 1868 г. она была окончательно размежевана, причемъ въ участокъ одесскихъ гражданъ вошли два хутора Гнилякова и Фомина-балка. Отмежеванный участокъ прилегаетъ съ одной стороны къ городской землѣ, а съ другой къ Черному морю близъ лимановъ Куяльницкаго и Хаджибейскаго.

ной указъ учредить въ Одессѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ вице-адмирала де-Рибаса, «особый для россійскихъ купцевъ и мѣщанъ магистратъ». Открытіе магистрата послѣдовало въ началѣ 1796 года. Къ обязанностямъ магистрата принадлежали какъ всѣ вообще хозяйственныя распоряженія, такъ равно и дѣла, касающіяся до поселенія иностранцевъ. По судебнымъ дѣламъ магистратъ зависѣлъ отъ вознесенскаго намѣстническаго правленія. Управленіе-же дѣлами грековъ и иностранцевъ, за исключеніемъ судебнаго разбирательства, сохранено было за попечителемъ ихъ подполковникомъ Кесъ Оглу, съ назначеніемъ ему секретаря и переводчика. Въ учрежденномъ магистратѣ состояли: городской голова, секретарь, два столоначальника, два бургомистра (одинъ изъ грековъ), четыре ратмана и двое старшинъ. Кромѣ того назначались: городской синдикъ, засѣдатель, словесные судьи и счетчики по городскому приходо-расходу. Лица на магистратскія должности назначались выборами всего городскаго общества, а въ званіяхъ своихъ утверждались вознесенскимъ намѣстническимъ правленіемъ. При магистратѣ состояла городская дума изъ слѣдующихъ лицъ: греческаго попечителя, городскаго головы, трехъ выборныхъ и приходо-расходчика. Занятія ея заключались собственно въ распоряженіяхъ по приходу и расходу городскихъ суммъ. Къ концу 1797 г. число поселенцевъ разныхъ націй достигало до 3 тыс. душъ обоего пола, вслѣдствіе чего явилась необходимость расширить кругъ дѣйствій магистрата. 22 мая 1797 г. императоромъ Павломъ данъ именной указъ екатеринославскому губернатору Бердяеву, въ коемъ повелѣно: «грековъ, албанцевъ, молдаванъ, болгаръ и прочихъ иностранцевъ, причисляя въ купцы и мѣщане, кто изъ нихъ въ какое состояніе по капиталамъ, промысламъ и ремесламъ своимъ записаться пожелаетъ, учредить для нихъ магистратъ на томъ самомъ основаніи, какъ оный существуетъ въ нѣмецкихъ городахъ Ригѣ, Ревелѣ и т. п., причемъ греки должны состоять въ зависимости общаго городоваго магистрата. «Открытіе новаго магистрата произошло 23 сентября 1797 г. Вновь учрежденный магистратъ завѣдывалъ городскою и судебною частью, а для разбора спорныхъ по торговлѣ дѣлъ учреждена была при немъ «коммисія россійской торговли». Такимъ образомъ, въ существованіи «особаго для россійскихъ купцовъ и мѣщанъ магистрата» надобности уже не представлялось, вслѣдствіе чего 26 января 1798 года Высочайше повелѣно оный упразднить. Новый магистратъ вскорѣ сталъ именоваться «иностраннымъ магистратомъ». Такое названіе произошло, по всей вѣроятности, по той причинѣ, что при выборахъ въ городскія должности участвовали одни лишь иностранцы. По многосложности занятій иностраннаго магистрата, вскорѣ представилась необходимость увеличить личный составъ его. Со смертію греческаго попечителя Кесъ-Оглу въ 1799 г., всѣ находившіяся въ завѣдываніи его дѣла поступили въ иностранный магистратъ, вслѣдствіе чего магистратъ ходатайствовалъ объ учрежденіи при немъ особой городовой канцеляріи, къ обязанностямъ которой относились-бы всѣ дѣла, касающіяся до сохраненія между гражданами Одессы «согласія, мира и тишины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюденіе надъ городскими зданіями, устройство площадей, пристаней, магазиновъ и проч. Въ октябрѣ того-же года магистратъ постановилъ ходатайствовать о дарованіи ему нѣкоторыхъ привиллегій, а до полученія оныхъ опредѣлилъ: 1) учредить при магистратѣ 7 департаментовъ, суды: консисторіальный, коммерческій, сиротскій и городовой нижній и городовое управленіе; 2) общее засѣданіе имѣть въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ, какъ это установлено въ рижскомъ положеніи, гдѣ оно именуется магистратскою коллегіею, а потому и иностранный магистратъ именовать «городовою магистральною коллегіею» и 3) учредить новый составъ служащихъ въ коллегіи на суммы изъ городскихъ доходовъ. Магистратъ, присвоивъ себѣ наименованіе коллегіи, требовалъ, чтобы полиція подчинялась его вѣдѣнію. Но секундъ-маіоръ Киріаковъ, назначенный 1797 г. полицiймейстеромъ Одессы, имѣвшій уже и прежде препирательство съ бывшимъ «особымъ для россійскихъ купцовъ и мѣщанъ магистратомъ», нежелалъ подчиниться новому магистрату и дѣйствовалъ самостоятельно, вслѣдствіе чего стали поступать на него отъ разныхъ лицъ жалобы. По распоряженію новороссійскаго губернатора Селецкаго произведено слѣдствіе надъ Кирьяковымъ. Былъ-ли послѣдній удаленъ отъ должности,

изъ дѣлъ не видно, но уже въ 1798 г. должность полиціймейстера занималъ надворный совѣтникъ Леръ, а въ 1799 г. надворный совѣтникъ Лесли. Коммисія, желая, чтобы полиція стояла въ непосредственномъ ся вѣдѣніи 10 декабря 1799 г. постановила предупредить полиціймейстера Лесли, чтобы онъ не слѣдовалъ въ своихъ дѣйствіяхъ примѣру предшественника своего Кирьякова. Между тѣмъ, Лесли, имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе, дѣйствовалъ самостоятельно. На дѣйствія его стали приноситься жалобы въ коммисію, вслѣдствіе чего въ 1800 г. новороссійскимъ губернаторомъ графомъ Каховскимъ предписано новороссійскому губернскому правленію учинить строгое разслѣдованіе. Съ своей стороны, Лесли донесъ новороссійскому военному губернатору, что какъ онъ не имѣетъ отъ высшаго начальства предписанія о переименованіи магистрата въ коллегію, то и не считаетъ себя ей подчиненнымъ, вслѣдствіе чего и происходятъ съ нею столкновенія. 23 января 1800 г. послѣдовалъ магистрату изъ новороссійскаго губернскаго правленія указъ, въ коемъ предписывалось, «чтобы магистратъ не отваживался присвоивать себѣ именованія коллегіи и до дѣлъ полиціи отнюдь не касался-бы». Съ полученіемъ означеннаго указа, коллегія снова стала именоваться «иностраннымъ магистратомъ. Кромѣ магистрата состояли въ Одессѣ еще слѣдующія учрежденія: 1) таможня, 2) портовый гаджибейскій карантинъ, 3) ремесленная управа и при ней «цеховой расправочный судъ» и «цеховая сборная изба», 4) цензура изъ трехъ лицъ—одного духовнаго и двухъ свѣтскихъ, 5) биржа, 6) почтовая экспедиція, 7) больница, 8) богадѣльня, 9 аптека. Въ разсматриваемое время общественныхъ увеселительныхъ домовъ не существовало, а устраивались гражданами въ своихъ собственныхъ домахъ публичныя собранія подъ названіемъ «маскаратовъ» и «увеселительныхъ вечеринокъ». Приглашеніе производилось чрезъ разсылку «безгласныхъ картъ» съ обозначеніемъ на нихъ однихъ лишь «кунштюковъ» или картинныхъ изображеній.

VI; *Постройка церквей, молитвенный домъ и раскольники* Одновременно съ возведеніемъ городскихъ зданій, приступлено было къ постройкѣ соборной церкви, во имя св. Николая. Закладка церкви произведена въ 1795 г. новороссійскимъ митрополитомъ Гавріиломъ. Къ концу 1796 г. церковь была уже настолько отстроена, что въ ней исполнялось богослуженіе. Въ январѣ 1798 г. образованъ при ней приходъ изъ 250 дворовъ. Въ декабрѣ 1797 г. данъ именной указъ сенату о надѣленіи священно-церковнослужителей по положенной пропорціи землею. Въ 1796 г. заложена митрополитомъ Гавріиломъ на южномъ греческомъ предмѣстьѣ, греческая церковь, во имя св. Троицы. Съ выведеніемъ до половины каменныхъ стѣнъ, работы были пріостановлены, а начата постройка новаго небольшаго дома, который въ слѣдующемъ году былъ оконченъ и названъ «малою греческою церковью»; въ этой церкви и началось отправленіе богослуженія. Для продолженія-же начатыхъ работъ большой греческой церкви поручено греческому архимандриту Декала произвести добровольный сборъ, котораго и было собрано 2250 р.—Проживавшіе въ Одессѣ старообрядцы ходатайствовали объ учрежденіи своей церкви, вслѣдствіе чего въ 1798 г. изъ новороссійской духовной консисторіи данъ указъ посвященному въ старообрядческую церковь во священники Карасеву о разрѣшеніи придѣлать къ имѣющейся въ городѣ часовнѣ алтарь и тѣмъ обратить ее во временную старообрядческую церковь, а затѣмъ предоставлялось выстроить старообрядческую церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы и часовню тогда упразднить. Къ исходу 1799 г., внутри города, выстроена каменная старообрядческая церковь, гдѣ и происходило богослуженіе. Съ постройкой церкви, бывшая до того часовня оставалась неупраздненною. Отдѣлившіеся отъ старообрядцевъ раскольники избрали себѣ изъ мѣщанъ попа и стали въ часовнѣ отправлять службу. Кромѣ вышеозначенныхъ церквей, близь оныхъ, внутри города, находился католическій молитвенный домъ.

VII. *Торговля и цѣны на главные продукты.* Главная торговля Одессы происходила съ Турціей, по заключенному контракту въ Константинополѣ, въ силу котораго изъ Турціи въ Одессу ежегодно въ февралѣ и мартѣ доставлялись: апельсины, лимоны, померанцы, каштаны, орѣхи и винныя ягоды, а изъ Одессы отправлялось въ Турцію ежегодно около 2000 четвертей пшеницы. Россійскіе природные купцы и частію евреи производили торгъ больше россійскими

товарами: шелковыми, бумажными, шерстяными и сапожными, а также желѣзными, стальными и т. п. Небогатые мѣщане промышляли мелочнэю торговлею и съѣстными припасами, а иностранцы большею частью торговали азіатскими товарами, какъ-то: турецкими шелковыми, шерстянными и бумажными, а также фруктами и напитками. Привозимые на судахъ товары покупались большею частію иностранцами, а также и купцами, пріѣзжими изъ Москвы, Тулы, Курска и др. городовъ. Эти товары отвозились для продажи во внутрь Россіи. Торгъ въ Одессѣ производился на двухъ рынкахъ: россійскомъ и греческимъ. Цѣны на главные жизненные продукты въ 1798 и 99 гг. были слѣдующія: лучшая говядина за фунтъ 3 к., средняя $2^1/_2$ и послѣдняя 2 к., баранина отъ 3 до 5 к., коровье масло пудъ 5 р. 50 к., пшеничная мука четверть 8 р., ржаная мука 5 р., пшено 6 р. 50 к., капусты сотня 3 р., горохъ четверть 5 руб. 50 к., овесъ 2 р. 60 к., сѣно пудъ 10 к., чай фунтъ отъ 3 р. 50 к. до 6 р., сахаръ фунтъ 70 и 80 к., кофе фунтъ 80 к., свѣчи: восковыя фунтъ 80 к., сальныя—15 к.

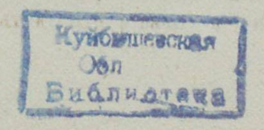
По прочтеніи только что приведеннаго нами реферата г. председатель предложилъ высказаться желающимъ возражать что-нибудь противъ доклада. Въ качествѣ перваго оппонента явился профессоръ нашего университета г. *Веводскій.* Онъ выразилъ сомнѣніе, чтобы мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Одесса, было именно то мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла греческая колонія этого-же имени. По картамъ и справкамъ ему извѣстно, что тутъ стояло другое мѣстечко, вѣроятно, Хаджибей, какъ это полагаютъ, а древнее поселеніе этого имени было на другомъ мѣстѣ.

Проф. *Кондаковъ* подтвердилъ возраженіе г. Воеводскаго и заявилъ, что, по Бруну, названіе Одесса не есть продолженіе названія существовавшаго на этомъ-же самомъ мѣстѣ поселенія, а оно просто произвольно. На мѣстѣ теперешней Одессы стояло поселеніе Хаджибей, а поселеніе съ именемъ Адессъ или Одессосъ было, видимо, въ другомъ мѣстѣ. Ссылка автора доклада на карту не говоритъ ничего, потому что она не провѣрена. Быть можетъ, тутъ и было что-нибудь съ подобнымъ наименованіемъ, но это во всякомъ случаѣ было не то поселеніе, о которомъ идетъ теперь рѣчь, а, вѣроятно, или факторіальный складъ подобнаго имени, или просто пристань, или, наконецъ, крѣпостца.

Г. *Яковлевъ* заявилъ, что онъ собственно не возражать желаетъ, а желаетъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія, такъ какъ ему пришлось прочитывать документы, которые, вѣроятно, не были въ рукахъ автора. Онъ, во 1-хъ, поправилъ годъ основанія Одессы, указанный у автора, и сказалъ, что таковымъ надо считать не 1794 г. Есть доказательства, что поселеніе основано тотчасъ-же послѣ завоеванія мѣста. Въ архивахъ черноморскаго флота есть указанія, что послѣ завоеванія-же тамъ были оставлены батальоны и поселены военные люди. Потомъ есть другое показаніе священника, въ которомъ онъ говоритъ о населеніи мѣста, какъ о существующемъ. Потомъ онъ указалъ на то, что уже въ 92 году была заложена даже церковь на мѣстѣ теперешняго Николаевскаго бульвара, во имя святой Екатерины.

Второй пунктъ его возраженія касался греческой церкви. По мнѣнію оппонента, она переносилась съ мѣста на мѣсто три раза, а референтъ констатировалъ только два, такъ какъ одинъ разъ, по его мнѣнію, это была не церковь, а просто землянка, исполнявшая временно роль церкви.

Авторъ реферата отвѣтилъ на возраженіе г. Яковлева тѣмъ, что, собственно говоря, онъ пишетъ исторію Одессы *только* съ 1794 г., значитъ онъ и не разсматривалъ времени, предшествующаго этому году. Однако изъ императорскихъ указовъ видно, что 1794 г. и есть именно тотъ годъ, въ который Одесса стала именоваться своимъ теперешнимъ именемъ.

Куйбышевская Обл Библиотека

Засѣданіе отдѣленія классическихъ памятниковъ подъ предсѣдательствомъ вице-президента одесскаго общества исторіи и древностей Юргевича.

(Вечернее засѣданіе 16-го августа).

Рефератъ бывшаго профессора кіевскаго университета В. П. Модестова *«О русскомъ произношеніи и правописаніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ всякаго рода, относящимся къ древне-греческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Евксинскаго»*. «Съѣзды въ научномъ отношеніи имѣютъ громадное значеніе. Ученые, встрѣчаясь, вырабатываютъ и устанавливаютъ правильную точку зрѣнія на множество спорныхъ вопросовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и предложенный. Настоящій съѣздъ, на которомъ столько представителей, и весьма почтенныхъ, можетъ высказать свое авторитетное слово по данному вопросу. Необходимо, въ виду практическихъ работъ, разъ на всегда установить правильное чтеніе. Анархія, нигдѣ не терпимая, не можетъ быть допущена и здѣсь. Какъ напр. нужно читать: Пантикопея или Пантикопей, Херсонесъ или Херсонисъ и т. п. Въ Греціи не было однообразнаго произношенія, какъ нѣтъ его теперь въ Германіи, у насъ. Но какъ теперь есть литературный языкъ, такъ и въ Греціи былъ языкъ, на которомъ говорили люди образованные, грамматики. Вотъ это-то чтеніе и должно быть нами принято». Референтъ предлагаетъ для собственныхъ именъ установить слѣдующую систему: нельзя переводить средній родъ на женскій, а слѣдуетъ удержать мужской, такъ что нужно читать Пантикопей, а не Пантикопея; для образованія словъ необходимо брать основу, къ которой прибавить русское окончаніе. Впрочемъ, это послѣднее положеніе должно быть примѣнимо лишь къ словамъ малоизвѣстнымъ; слова-же, которыя пріобрѣли, такъ сказать, право гражданства, должны остаться при теперешнемъ произношеніи. Поэтому слѣдуетъ оставить Хіосъ, а не Хій, Родосъ, а не Родъ и т. д. Нѣкоторое затрудненіе представляютъ: 1) разнообразіе окончаній въ греческомъ языкѣ и 2) долгота слоговъ. Здѣсь поэтому тоже нужно прибѣжать къ слѣдующей комбинаціи: слова малоизвѣстныя нужно передавать съ тѣми же окончаніями, какъ по гречески, а слова распространенныя оставить при теперешнемъ чтеніи.

Референтъ закончилъ чтеніе вторично пожеланіями установить соглашеніе.

Опоненты Мѣржинскій, гр. Толстой, Ивановъ (изъ Кіева) возражали противъ предлагаемыхъ референтомъ измѣненій.

По предложенію проф. Помяловскаго, съѣздъ предложилъ референту составить списокъ городовъ и мѣстностей на югѣ и способъ чтенія ихъ названій для соединенія usus'а съ теоретическими потребностями.

Второй рефератъ, проф. москов. унив. И. В. Цвѣтаева, посвященъ былъ памяти славнаго дѣятеля въ области филологіи Фридриха Готфрида Велькера, столѣтній юбилей дня рожденія котораго будетъ праздноваться чрезъ два мѣсяца. Родился Велькеръ 22 октября 1784 г. въ Гессенскомъ герцогствѣ, родомъ былъ изъ духовнаго званія. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своего отца. Въ Германіи уже въ концѣ прошлаго столѣтія можно было встрѣтить множество молодыхъ людей, съ университетскимъ образованіемъ, предлагающихъ свои услуги въ качествѣ домашнихъ учителей. Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей, Христіанн Мюнхъ, былъ приглашенъ для занятій съ малолѣтнимъ Фридрихомъ. Занятія пошли такъ успѣшно, что въ 16 лѣтъ молодой Велькеръ знакомъ былъ почти со всѣми классическими авторами (въ подлинникѣ); кромѣ того, онъ былъ знакомъ съ литературой, миѳологіей, исторіей, древностями, математикой, также языками французскимъ, англійскимъ, еврейскимъ; зналъ также музыку, танцы и т. п. Когда его отправили въ диссенскую гимназію, директоръ, проэкзаменовавъ его, посовѣтовалъ отправить его въ гиссенскій университетъ. Будучи въ университетѣ на богословскомъ языкѣ, онъ въ свободное время читалъ проповѣди съ церковной каѳедры. Въ 19 лѣтъ онъ получилъ докторство и приватъ-доцентуру по каѳедрѣ богословія въ томъ же университетѣ. Занимаясь богословіемъ, онъ не оставлялъ занятій филологіей. Постоянной его мечтой было отправиться въ Италію, каковое стремленіе

онъ скоро получилъ возможность удовлетворить. Отправился онъ въ Италію пѣшкомъ и чрезъ 3 мѣсяца былъ на мѣстѣ своихъ стремленій. Въ Римѣ онъ сразу очутился въ кругу лучшихъ ученыхъ и художниковъ того времени, собиравшемся въ домѣ занимавшаго тогда мѣсто резидента прусскаго двора при папѣ знаменитаго Вильгельма фонъ-Гумбольдта, у котораго онъ скоро даже получилъ мѣсто домашняго учителя. Въ домѣ В. ф.-Гумбольдта онъ особенно близко сошелся съ первымъ археологомъ своего времени, Цёдой, лучшая біографія котораго написана впослѣдствіи Велькеромъ-же. Такъ прошло $1^1/_2$ года, отпускъ его кончился и ему необходимо было вернуться къ своимъ обязанностямъ. По возвращеніи онъ получилъ ординатуру по каѳедрѣ классической археологіи. Богословіе онъ оставилъ совершенно, только «Плачъ Іереміи» интересовалъ его, и въ 1810 г. онъ издалъ его переводъ.

Національное движеніе 1812 г. въ Германіи не оставило его; на время оставилъ онъ науку и съ отрядомъ волонтеровъ перешелъ Рейнъ. По окончаніи похода, онъ не остался, разумѣется, безучастнымъ къ національному движенію, охватившему всю Германію. Своимъ курсомъ нѣмецкой исторіи онъ нажилъ себѣ массу враговъ въ университетской коллегіи. Дѣло дошло до того, что онъ долженъ былъ оставить Гиссенъ. Чрезъ 2 недѣли онъ былъ приглашенъ въ Гейтингенъ, откуда въ 1819 г. былъ приглашенъ въ новооткрытый университетъ въ Боннѣ, гдѣ и оставался до смерти (1868 г.). Постоянныя занятія его были археологическія, филологическія, также занятія по составленію каталога. Благодаря его заботамъ, при университетѣ былъ основанъ первый въ Германіи музей.

Въ 1840 гвду онъ предпринялъ второе путешествіе въ Италію. Путешествіе это было настоящимъ тріумфомъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Парижъ. Одно время занимался онъ въ общей библіотекѣ. Библіотекарь, замѣтивъ его, подошелъ къ нему и, со словами: «князья не должны быть среди простаго народа», увелъ его въ свой кабинетъ.

Изъ Италіи онъ отправился въ Грецію и Малую Азію (все путешествіе продолжалось $2^1/_2$ года).

6-го мая 1843 года онъ возвратился въ Боннъ, гдѣ его ожидала самая блестящая встрѣча. Съ этого времени онъ безвыѣздно жилъ въ Боннѣ. За это время онъ издалъ множество работъ большихъ и малыхъ. Но старость начала брать свое. Въ 1856 году онъ принужденъ былъ сдать библіотеку, а въ скоромъ времени и каѳедру достойному преемнику своему, Оттону Яну. Начала слабѣть память. Одному изъ своихъ друзей онъ говорилъ тогда, что всякій ученый переживаетъ 3 періода: 1) періодъ пріобрѣтенія знаній, 2) употребленія ихъ и 3) утраты ихъ; въ этомъ послѣднемъ періодѣ я и нахожусь.

Вскорѣ онъ потерялъ и зрѣніе, но продолжалъ диктовать своему другу Людерсу. Въ 1859 г. праздновался 50-лѣтній юбилей его профессорской дѣятельности. Къ этому юбилею прусское правительство повелѣло поставить мраморный бюстъ его въ университетскомъ зданіи.

4 ноября 1868 г. послѣдній разъ праздновался день его рожденія, а 16 декабря 1868 г. онъ скончался.

Г. Кондаковъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, по поводу того, что Ф. Велькеръ былъ больше филологъ; само имя археологіи ему было ненавистно.

Послѣднее сообщеніе принадлежало г. Латышеву: «*Сообщенія о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей южной Россіи*».

Занятіе надписями на югѣ развилось впервые сначала нынѣшняго столѣтія. Первые работники—Палласъ, потомъ Кенненъ, Стенковскій. Съ 50-хъ годовъ работы расширились, благодаря трудамъ Мурзакевича, Бруна, Юргевича, Леонтьева, гр. Уварова (при именахъ Юргевича и гр. Уварова раздались оглушительные аплодисменты). Но, несмотря на то, что сравнительно много сдѣлано, все-таки трудно заниматься эпиграфикой, потому что съ одной стороны печатаніе надписей производится очень плохо, съ другой стороны матеріалъ разбросанъ.

Въ виду этого русское археологическое общество и поручило въ концѣ 70-хъ годовъ собраніе надписей проф. Помяловскому и Соколову, а съ 1882 г. референту. Для исполненія работъ онъ получилъ командировку на 1 годъ на югъ. По плану изданія въ сборникъ должны войти надписи до IV в., и притомъ надписи, находимыя на разстояніи отъ бере-

говъ Дуная до Кавказа (кавказскія надписи изданы профессоромъ Помяловскимъ къ V-му археологическому съѣзду), включая городъ Анапу. Все изданіе подраздѣлено на 3 части: 1) надписи тирскія и ольвійскія, 2) надписи босфорскія и 3) надписи херамическія. Главное вниманіе обращается на точность копій; комментарій долженъ быть кратвій. Съ 1883 г. начались работы по надписямъ, присланнымъ въ Петербургъ владѣтельницей древней Ольвіи графиней Мусинъ-Пушкинъ. Референтъ посѣтилъ Харьковъ, Керчь, Тамань, Ѳеодосію, Одессу, с. Покровское (коллекція Куриса). Результаты самые блестящіе.

Печатаніе не могло быть кончено къ съѣзду по слѣдующимъ причинамъ: 1) изданіе сдѣлано не на русскомъ языкѣ, какъ того требуетъ уставъ общества, а на латинскомъ, для чего нужно было исходатайствовать разрѣшеніе, и 2) средства типографіи,— академія наукъ не имѣла въ запасѣ достаточно лигатуры, т. е. соединенія нѣсколькихъ буквъ. Появились въ печати только первые 6 коректурныхъ листовъ.

Предсѣдатель поблагодарилъ молодаго ученаго за его трудъ, который принесетъ громадную пользу историку, археологу и филологу.

Засѣданіе было закрыто въ 9 час. вечера.

БЮЛЛЕТЕНИ

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ОДЕССѢ

№ 2.

(Изъ газеты „Новороссійскій Телеграфъ“).

ОДЕССА,
Типографія «Новорос. Телегр.» Сабанскій переулокъ, д. № 2-й.
1884.

Дозволено цензурою. Одесса 17 августа 1884 года.

VI Археологическій съѣздъ

ВЪ ОДЕССѢ.

Отдѣленіе юридическихъ и общественныхъ памятниковъ.

Утреннее засѣданіе 17 августа.

Почетный предсѣдатель Рачко; постоянный предсѣдатель Леонтовичъ; секретари: А. Н. Евреинова и г. Багалѣй. Объявивъ засѣданіе открытымъ, г. Рачко обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью: «Позвольте мнѣ, мм. гг., предъ открытіемъ настоящаго засѣданія, обратиться къ вамъ съ нѣсколькими словами на языкѣ, хотя и родственномъ для насъ, хорватовъ и сербовъ, но такомъ, на которомъ я еще мало говорилъ по недостатку къ тому случая. Вотъ уже болѣе 20 лѣтъ преслѣдую я русскую науку какъ-разъ съ той-же цѣлью, какая служитъ основной задачей для настоящаго почтеннаго собранія, именно для археологическаго съѣзда. Въ далекой странѣ, на берегу Саввы и Адріатическаго моря, я всегда былъ исполненъ радости, когда замѣчалъ малѣйшій успѣхъ въ русской наукѣ, такъ какъ въ этомъ успѣхѣ вижу я успѣхъ общеславянскаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что русской наукѣ предстоитъ еще высказать просвѣтительное слово для большей части всего міра. Поэтому весьма понятно, если я желалъ бы познакомиться и лично съ тѣми представителями русской археологической науки, труды которыхъ я такъ тщательно изучалъ до сихъ поръ лишь вдали отсюда. Это мое горячее желаніе нынѣ можетъ исполниться, и я радъ, что нахожу въ васъ не только представителей археологической науки, но и искреннихъ друзей, принявшихъ такъ тепло и радушно меня и моего товарища Любича. Свое дружеское отношеніе ко мнѣ вы доказали еще и тѣмъ, что посадили меня сегодня на это предсѣдательское кресло. Пусть-же въ этихъ словахъ будетъ высказано вамъ, мои искренніе друзья, полная благодарность какъ отъ меня, такъ и отъ всей юго славянской академіи наукъ». Рѣчь эта была встрѣчена продолжительными рукоплесканіями.

Затѣмъ профессоръ московскаго университета М. М. Ковалевскій изложилъ свой докладъ о «судахъ Божіихъ». Коснувшись въ нѣсколькихъ словахъ трудовъ ученыхъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, и упомянувъ съ особымъ уваженіемъ имя С. А. Муромцева, которымъ еще недавно могъ гордиться московскій университетъ, докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ «суда Божьяго», каковы судебный поединокъ, судебныя испытанія или ордаліи, присяги и проч. Судебный поединокъ—это единоборство сторонъ на судѣ, къ которому привязывается каждый разъ представленіе о томъ, что виновный, въ силу божественнаго вмѣшательства, непремѣнно будетъ пораженъ невиннымъ. Но такое понятіе соединяется съ по-

единкомъ лишь впослѣдствіи; первоначально-же онъ не имѣетъ вида доказательства, а служитъ лишь упрощеннымъ способомъ возмездія. Строгое примѣненіе у первобытныхъ народовъ теоріи кровавой мести требуетъ послѣдовательнаго убіенія родомъ обиженнаго кого-либо изъ рода обидчика, послѣ чего положеніе сторонъ измѣняется: обидчикъ становится обиженнымъ и вправѣ убить кого-либо изъ рода своего противника. Такъ какъ съ каждымъ новымъ убійствомъ открывается новый поводъ къ возмездію, то месть могла-бы продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно истребленъ одинъ изъ спорящихъ родовъ. Такой исходъ всего болѣе угрожаетъ роду наименѣе численному. Какъ средство къ прекращенію дальнѣйшаго возмездія спорящихъ родовъ является поединокъ. Почтенный докладчикъ доказывалъ свою мысль цѣлымъ рядомъ ссылокъ и указаній на этотъ институтъ у разныхъ народовъ. Весьма цѣнное указаніе на источникъ происхожденія поединка г. Ковалевскій видитъ въ описанномъ Гаустгакзеномъ обыкновеніи осетинъ. Вотъ въ чемъ состояло это обыкновеніе: родственникъ обиженнаго требуетъ, чтобы убійца сталъ подъ ихъ выстрѣлъ. Третейскій судъ въ этомъ случаѣ кидаетъ жребій, кто изъ рода обиженнаго долженъ будетъ выстрѣлить въ обидчика. Отъ вынутія жребія не устраняются и мальчики и это дѣлается для того, чтобы выборъ не палъ на однихъ лишь хорошихъ стрѣлковъ. Дѣло рѣшается однимъ выстрѣломъ, —все равно будетъ ли виновный убитъ, раненъ или останется невредимымъ. Этотъ примѣръ доказываетъ, что на первыхъ порахъ рѣшеніе кроваваго дѣла не только не является видомъ доказательства, но не имѣетъ даже въ себѣ ничего судебнаго. Это не болѣе, какъ продолжающееся возмездіе, отличающееся только тѣмъ, что стороны условливаются покончить споръ сразу, однимъ насильственнымъ дѣйствіемъ. Очевидно, что съ этимъ дѣйствіемъ лишь впослѣдствіи начинаютъ связывать понятіе о какомъ-то непосредственномъ вмѣшательствѣ Бога, управляющаго одинаково и порядкомъ вынутія жребія, и рукою вынувшаго его стрѣлка. —Судебныя испытанія или такъ-называемыя ордаліи составляли въ древнемъ процессѣ такой видъ доказательства, съ которымъ также связано понятіе о вмѣшательствѣ божества, представленіе о томъ, что невѣдомая и независимая отъ человѣческой воли сила прійдетъ на помощь слабости человѣка и его духовной слѣпотѣ и раскроетъ истину, которую человѣкъ тщетно сталъ-бы искать тѣми средствами, какія имѣются въ его власти. При всемъ разнообразіи судебныхъ испытаній во всѣхъ ихъ можетъ быть раскрыта одна общая черта: обращеніе къ нимъ опредѣляется каждый разъ увѣренностью въ томъ, что для раскрытія истины божество совершитъ чудо надъ испытуемымъ. Этимъ чудомъ можетъ быть одно изъ двухъ: или то, что вредное при обыкновенныхъ условіяхъ средство въ примѣненіи къ нему окажется безвреднымъ, или, наоборотъ, самое безразличное по своимъ послѣдствіямъ дѣйствіе для него окажется гибельнымъ. Какъ судебное доказательство, ордалія встрѣчается у самыхъ разноплеменныхъ народовъ. Наиболѣе употребительные виды испытаній: кипящей водой, раскаленнымъ металломъ, холодной водой, огнемъ и жребіемъ. Почтенный докладчикъ коснулся главнымъ образомъ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ и на цѣломъ рядѣ примѣровъ констатировалъ, что испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ у восточныхъ и западныхъ представителей арійской семьи даже въ мелочахъ представляетъ большое сходство. Это приводитъ къ заключенію, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о позаимствованіи этого института однимъ народомъ отъ другаго, такъ какъ онъ является общимъ для всѣхъ арійскихъ народовъ; общность этого института служитъ доказательствомъ древности его происхожденія, еще до разселенія арійцевъ по Азіи и Европѣ. Въ заключеніе г. Ковалевскій задался вопросомъ, какимъ образомъ опытъ не могъ въ теченіи столѣтій убѣдить людей въ томъ, что дѣйствіе физическихъ элементовъ—огня, воды, яда и т. п. опредѣляется законами природы, измѣнить которые ничто не въ силахъ, и приведенными имъ многими примѣрами объяснилъ, что причину этого слѣдуетъ видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что исходъ даже наиболѣе опасныхъ ордалій не былъ по необходимости всегда неблагопріятнымъ для испытуемыхъ и что такимъ образомъ суевѣрному человѣку являлась возможность видѣть судъ Божій тамъ, гдѣ въ наше время легко было-бы констатировать дѣйствіе счастливыхъ или не-

счастныхъ для испытуемаго физическихъ условій.

Блестящая рѣчь г. Ковалевскаго была покрыта рукоплесканіями, длившимися около 5 минутъ.

Г. Кочубинскій, по поводу той части реферата г. Ковалевскаго, въ которой говорилось объ образованіи испытанія желѣзомъ еще до разселенія арійскихъ народовъ, возразилъ, что ему кажется это невѣрнымъ. Данныя филологіи указываютъ на то, что едва-ли народамъ арійской рассы до разселенія было извѣстно желѣзо, такъ какъ корень этого слова у народовъ этой рассы неодинаковъ. *Г. Ковалевскій* отвѣтилъ, что высказанный г. Кочубинскомъ взглядъ нельзя считать вполнѣ установившимся въ филологіи, а потому едва-ли онъ можетъ поколебать выводы, сдѣланные на основаніи научныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ безразлично, употреблялось-ли при ордаліяхъ испытаніе желѣзомъ или-же другимъ какимъ-либо раскаленнымъ металломъ.

Не меньшій интересъ представляло сообщеніе г. Кулишера о первобытныхъ способахъ взысканія долговъ. Во Флоренціи было въ обычаѣ, что несостоятельный должникъ долженъ былъ въ присутствіи народа удариться заднею частію о большой камень, посредствомъ чего онъ заявлялъ объ уступкѣ своего имущества кредитору и тѣмъ избавлялся отъ дальнѣйшей отвѣтственности. Въ Неаполѣ несостоятельный должникъ публично обнажалъ нижнюю часть тѣла и трижды повторялъ: кто имѣетъ взысканіе, пусть придетъ сюда и получитъ уплату. Подобный же обычай существовалъ и въ Голландіи. Происхожденіе этихъ обычаевъ Либрехтъ объясняетъ нѣмецкимъ сказаніемъ, по которому трупъ несостоятельнаго должника подвергался оплеванію и оскорбленіямъ до тѣхъ поръ, пока кто-либо не уплатитъ его долговъ. Изъ этого Либрехтъ дѣлаетъ выводъ, что первоначально кредитору принадлежалъ даже трупъ должника, но съ теченіемъ времени это право было смягчено до символическаго выкупа посредствомъ приведенныхъ выше дѣйствій. Но объясненія этого символа нужно искать въ обычныхъ правилахъ и законахъ о взысканіи долговъ. Въ Римѣ кредиторъ былъ вправѣ убить должника и разрубить его на части. Тѣмъ болѣе онъ имѣлъ право истязать его. То же мы видимъ въ германскомъ правѣ и въ Россіи. Въ Италіи должникъ также первоначально подвергался истязаніямъ, и приведенныя символическія дѣйствія являются остаткомъ этихъ истязаній. Другіе остатки изъ области отношеній кредитора къ должнику заключаются въ обязанности кредитора томить себя голодомъ. По древнимъ ирландскимъ законамъ, если должникомъ являлось начальническое лицо, то кредиторъ шелъ къ дому должника и въ теченіи извѣстнаго времени ожидалъ тамъ, не принимая пищи. Совершенно аналогичный обычай встрѣчается на востокѣ среди персовъ и индусовъ. Въ Персіи человѣкъ, желающій вынудить уплату долга посредствомъ голоданія, засѣваетъ извѣстное количество ячменя у дверей дома должника и садится въ срединѣ этого посѣва, желая показать этимъ, что онъ останется здѣсь безъ пищи до тѣхъ поръ, пока не получитъ уплаты или пока посѣянный имъ ячмень не даетъ ему хлѣба. У индійцевъ, браминъ, рѣшившійся прибѣгнуть къ такому способу взысканія долга, приходилъ къ дверямъ должника и сидѣлъ, не принимая пищи и имѣя въ рукахъ ядъ, кинжалъ или какое-либо другое орудіе смерти, угрожая употребить его въ дѣло при попыткѣ противника устранить его или пройти мимо. Этимъ способомъ всегда почти удавалось взыскать долгъ, такъ какъ причиненіе смерти брамина считалось тяжкимъ грѣхомъ. Символъ томленія голодомъ есть не болѣе, какъ остатокъ осады, производившейся въ болѣе раннія времена кредиторомъ надъ должникомъ. Въ средніе вѣка во многихъ городахъ допускалось забираніе имущества должника впредъ до уплаты долга. Такія-же первобытныя отношенія кредиторовъ къ должникамъ мы встрѣчаемъ въ Малороссіи въ самое послѣднее время. У южно руссовъ существуетъ обычай «править» и «грабувать» до уплаты долга. Грабуетъ земская полиція, угоняя скотъ; грабуютъ сборщикъ податей и староста, уводя овцу и конфискуя одежду, грабуетъ и кредиторъ, унося къ себѣ вещи должника,—всё до полученія удовлетворенія. Подобный способъ взысканія практиковался и въ распоряженіяхъ правительственныхъ. Въ настоящее время обычай этотъ исчезаетъ и въ южной Россіи. Въ болѣе первобытной формѣ этотъ способъ взысканія долговъ существовалъ на Кавказѣ, въ видѣ

такъ называемой «барамты», подъ которой разумѣлось насильственное заарестованіе имущества въ видѣ залога по неудовлетвореннымъ матеріальнымъ обидамъ. Каждый туземецъ, не получившій удовлетворенія отъ лица посторонняго общества, считалъ себя вправѣ, при содѣйствіи своего общества, отобрать у проѣзжаго того общества, къ которому принадлежалъ должникъ, что при немъ находилось. Этотъ-то грабежъ и назывался «барамтой». Обобранный пріѣзжій обязанъ былъ служить орудіемъ къ удовлетворенію истца со стороны виновнаго его собрата. Онъ давалъ знать своей мѣстной власти о взятой съ него барамтѣ и просилъ заступничества. Виновнаго принуждало общество освободить барамту. Когда истецъ былъ удовлетворенъ, то барамта возвращалась хозяину. Этотъ обычай велъ ко многимъ злоупотребленіямъ; изъ-за него происходило много дракъ и убійствъ. Этотъ способъ взысканія долговъ является наиболѣе первобытнымъ, потому что при немъ отвѣтственнымъ за долги является общество, братство; съ другой стороны кредиторомъ является также общество. У предковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ господствовалъ также институтъ взысканія долговъ, аналогичный съ барамтой, и принципъ солидарной отвѣтственности членовъ общества. Но между этимъ институтомъ и тѣмъ временемъ, когда стали практиковаться приведенные вначалѣ символы объявленія себя несостоятельными, лежитъ длинный путь. Съ тѣхъ поръ, какъ практиковался символъ обнаженія и до настоящаго времени пройденъ человѣчествомъ опять-таки длинный путь по пути индивидуализаціи за долги, причемъ исчезъ позорный обрядъ объявленія несостоятельности. Впрочемъ, и до настоящаго времени въ нашемъ торговомъ уставѣ о несостоятельности сохранились нѣкоторыя постановленія, имѣющія чисто архаическій характеръ, каковы присяга и подписка должника въ томъ, что онъ ничего не скрылъ и не скроетъ изъ своего имущества.

Рефератъ г. Кулишера вызвалъ довольно оживленныя пренія. *Г. Ковалевскій* заявилъ, что авторъ реферата умалилъ значеніе своего доклада, приписавъ нѣкоторые выводы Мену, тогда какъ они принадлежатъ ему самому. Затѣмъ онъ указалъ на то, что голоданіе кредитора должно быть разсматриваемо какъ слѣдствіе той осады, которую онъ предпринималъ противъ должника. Заставляя голодать должника, онъ въ то-же время подвергалъ и себя той-же участи. Г. *Леонтовичъ* замѣтилъ, что докладчикъ не указалъ связи между барантой и родовой местью и источника баранты, заключавшагося въ общинномъ самоправствѣ и самосудѣ. Г. *Брунъ* задался вопросомъ, какимъ образомъ могли сохраниться указанные докладчикомъ способы удовлетворенія кредитора, когда гораздо раньше, въ римскомъ правѣ, были выработаны другіе институты, относящіеся къ этому предмету. Г. *Ковалевскій* возразилъ, что эти способы основаны на обычномъ правѣ, а не на написанномъ законѣ.

Затѣмъ слѣдовалъ докладъ профессора кіевскаго университета И. В. Лучицкаго о Румянцевской описи Малороссіи. Докладъ этотъ хотя и имѣетъ большое значеніе для исторіи экономическаго и историко-юридическаго быта лѣвобережной Украйны, но представляетъ слишкомъ спеціальный интересъ, такъ какъ въ немъ излагается содержаніе найденныхъ частей описи и другихъ сохранившихся источниковъ, а потому мы не будемъ передавать въ газетѣ содержаніе его.

Въ заключеніе г. Багалей сообщилъ рефератъ о дѣлахъ, найденныхъ имъ въ архивѣ полтавской казенной палаты.

До послѣдняго времени не было извѣстно, какіе историческіе документы заключаетъ въ себѣ архивъ полтавскаго губернскаго правленія... Чтобы познакомиться съ содержаніемъ старыхъ дѣлъ этого архива г. Багалѣй въ концѣ іюня этого года отправился въ Полтаву и работалъ въ архивѣ. Здѣсь онъ нашелъ отъ 200 до 250 связокъ старыхъ дѣлъ. Одна часть ихъ была прислана изъ екатеринославскаго намѣстническаго и новороссійскаго губернскаго правленія, а другая изъ черниговскаго намѣстническаго правленія. И тѣ, и другія относятся къ территоріи вновь образованной Полтавской губ. Первая категорія обнимаетъ время съ 1706 по 1802 г., вторая съ 1782 по 1802 г. Первая категорія несравненно интереснѣе второй. Въ ней находится масса дѣлъ тяжебныхъ за землю, жалобы на притѣсненія старшины и воинскихъ командъ, на привлеченіе казаковъ въ подданство, вѣдомости о казакахъ, высланныхъ на форпостную службу и канальную работу, о посполитыхъ, ушедшихъ отъ своихъ

владѣльцевъ, о взаимныхъ отношеніяхъ казацкихъ урядниковъ и городскихъ магистратскихъ, о колодникахъ, дѣла, относящіяся къ общественнымъ землямъ. Во второй категоріи интересны дѣла: объ учрежденіи въ полтавскомъ полку земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ судовъ, о выгонныхъ земляхъ, объ отобраніи у дворянъ грамотъ и др. Всѣ эти документы, несомнѣнно, имѣютъ большій или меньшій интересъ для внутренней бытовой исторіи Малороссіи XVIII в., столь мало разработанной. Но кромѣ указанныхъ матеріаловъ г. Багалѣю удалось открыть часть румянцевской описи Малороссіи. Румянцевская опись Малороссіи была открыта въ черниговской казенной палатѣ неутомимымъ изслѣдователемъ южно-русской старины А. М. Лазаревскимъ. Профессоръ кіевскаго университета И. В. Лучицкій открылъ также часть этой описи въ Полтавѣ. Найденная теперь г. Багалѣемъ часть описи состоитъ изъ 18 связокъ и заключаетъ въ себѣ отрывочныя вѣдомости двухъ сотенъ Миргородскаго и четырехъ Полтавскаго полковъ. Сообщеніе свое г. Багалѣй закончилъ желаніемъ, чтобы болѣе важные документы полтавскаго губернскаго архива были присоединены къ харьковскому архиву малороссійской коллегіи.

(Вечернее засѣданіе).

Предсѣдательствовали почетный предсѣдатель В. Б. Антоновичъ и постоянный М. М. Ковалевскій. Засѣданіе было открыто рефератомъ И. В. Лучицкаго «о нѣкоторыхъ архаическихъ чертахъ малорусскаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ, а именно въ мѣстностяхъ непосредственнаго наблюденія г. Лучицкаго: уѣздахъ Переяславскомъ, Золотоношскомъ, Лубенскомъ и Кременчугскомъ. Референтъ устанавливаетъ три формы общиннаго владѣнія, существующія здѣсь, и представилъ переходныя формы. Первая форма захватная, существующая теперь въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ Кременчугскомъ уѣздѣ въ Потонной волости и недавно еще существовавшая въ Процевѣ Переяславскаго уѣзда, Гельмятовѣ и Безпольчемъ Золотоношскаго уѣзда. Эта форма одна изъ самыхъ старинныхъ, нѣкогда преобладавшихъ въ Малороссіи, состояла въ правѣ каждаго члена общины захватывать общинную землю въ томъ количествѣ, какое онъ въ силахъ обработать или обкосить. Владѣніе обозначается каждымъ владѣльцемъ знаками: тычками или обкосомъ, При этой формѣ возникали частые споры за неравномѣрность пользованія общинной землей. Переходъ отъ этой формы составляетъ та форма пользованія, по которой община опредѣляетъ время, когда начинается пользованіе всѣми одновременно и опредѣляется точный срокъ пользованія, напр., скосить въ теченіе двухъ дней. Въ Гельмятовѣ и Безпольчѣ замѣчается переходъ отъ этой формы къ дѣлежу на хаты, помѣрки ровной величины, причемъ передѣлъ бываетъ повсюду почти ежегодно посредствомъ жребія, бирокъ. При этой формѣ не бываетъ полной равномѣрности, такъ какъ участки хотя въ количественномъ отношеніи равны, но по качеству разнятся между собою. Третья форма заключается въ качественномъ уравненіи участковъ. Дѣленіе земли принято на сотни и десятки. Село раздѣляется на сотни по количеству ревизскихъ душъ (2, 3 и болѣе сотенъ въ селѣ); выбирается сотникъ. Сообразно этому и земля дѣлится на сотни. Каждая сотня получаетъ землю по жребію и распоряжается ею по своему усмотрѣнію, т. е. дѣлитъ ее на десятки или участки, порѣзанные на 10 душъ, или же обработываетъ и скашиваетъ ее сообща, артельно. Референтъ закончилъ свое сообщеніе указаніемъ на особую форму пользованія землей, при которой участки ежегодно переходятъ отъ одного члена общины къ другому.

Сообщеніе г. Лучицкаго было дополнено гг. Селивановымъ, Маркевичемъ и Антоновичемъ.

Затѣмъ г. Погибко читалъ свой докладъ «Матеріалы къ исторіи землевладѣнія въ Прилукскомъ уѣздѣ».

Сообщеніе г. Погибко касается формъ землевладѣнія казаковъ и крестьянъ нѣкоторыхъ селъ Прилукскаго уѣзда. Казакъ или крестьянинъ въ настоящее время является полнымъ собственникомъ земли, тогда какъ лѣтъ 50 назадъ и даже передъ началомъ 70 гг. право отчужденія земли зависѣло и отъ согласія другихъ членовъ семьи, причемъ это ограниченіе касалось не только наслѣдственныхъ, но и благопріобрѣтенныхъ земель. Такое ограниченіе свободы собственника недвижимаго имѣнія вызвало изысканіе тѣхъ или иныхъ формъ обхода этого стѣсненія, въ видѣ увеличенія суммы выкупа, если-бы наслѣдники захотѣли откупить свою «батьковщину», или внесенія въ купчую условія объ устраненіи притязаній на землю со стороны жены, близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Борьба интереса частнаго лица съ требованіями обычнаго права продолжалась до средины 70 гг., т. е. до размежеванія земель въ Прилукскомъ уѣздѣ съ цѣлью уничтоженія черезполосности ихъ, когда интересъ лица восторжествовалъ; земля была записана на имя не родственниковъ, какъ это было прежде, а фактическаго владѣльца ея. Со времени этого размежеванія претензіи на выкупъ предковыхъ земель сильно сократились и типъ полнаго личнаго землевладѣнія является уже установившимся. Теперь земля каждаго казака и крестьянина раздѣлена на три поля, «руки»: 1) «жито», 2) «ярина» и 3) «толока». Нѣкоторые участки земли находятся «въ общихъ смѣнахъ», т. е. пользованіе ими носитъ характеръ смѣшанный, *лично—общинный*, съ преобладаніемъ въ одномъ случаѣ интересовъ владѣльца земли, въ другомъ «громады». Такъ, во время вспашки земли до уборки хлѣбовъ земля находится въ пользованіи отдѣльныхъ собственниковъ, но, лишь хлѣбъ снятъ съ полей, послѣднія находятся въ общинномъ пользованіи. Такое-же общинное пользованіе распространено на земли, лежащія въ толокѣ, на которой каждый «громадянинъ» можетъ выпасать скота сколько имѣетъ и гдѣ захочетъ. Этотъ порядокъ пользованія толокой оказывается въ экономическомъ отношеніи очень выгоднымъ для малоземельнаго и даже безземельнаго казака или крестьянина, но невыгоднымъ для зажиточныхъ собственниковъ. Поэтому послѣдніе стали стремиться къ ограниченію права пользованія толокой, и въ послѣдніе годы нѣкоторыя общества постановили мірскіе приговоры, совершенно воспрещающіе пользованіе пастовнемъ на толокѣ и на жнивьѣ безземельнымъ и ограничивающіе право выпаса малоземельнымъ. Но, помимо участковъ земли, составляющихъ частную собственность, въ Прилукскомъ уѣздѣ есть немало такихъ земель, которыя принадлежатъ цѣлой общинѣ,—это такъ называемыя «громадскія» земли, право отчужденія которыхъ и право пользованія принадлежатъ «всій громаді». Такими землями оказываются выгоны, пахотныя и сѣнокосныя земли, ставки и проч. Выгоны служатъ для сгона скота безъ различія кому-бы онъ ни принадлежалъ. Частныя постройки, за исключеніемъ колодцевъ и «вѣтряковъ», не допускаются. На выгонѣ отводятся мѣста для постройки общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, школы, церкви, шинки, а также для кладбища. Иногда часть выгона отдается въ наемъ, и въ такомъ случаѣ деньги идутъ въ «громадскую» казну. Пахотныя и сѣнокосныя земли, находясь въ общемъ владѣніи, раздѣлены большею частью на участки и въ такомъ видѣ отдаются въ наемъ отдѣльнымъ членамъ «громады» за плату, которая поступаетъ въ общую казну. Рыбныя ловли, обыкновенно, въ лѣтнее время свободно предоставляются всѣмъ членамъ общества; въ зимнее-же время дѣлятся на участки и отдаются въ пользованіе отдѣльнымъ членамъ «громады».

Въ заключеніе доложенъ рефератъ г. Блюменфельда о значеніи писцевыхъ книгъ въ древнемъ хозяйственномъ быту русскаго народа.

Въ своемъ сообщеніи г. Блюменфельдъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ имъ изъ писцовыхъ книгъ, коснулся вопроса о формахъ поземельныхъ отношеній въ древней Россіи. Онъ воспользовался 14 писцовыми книгами XVI столѣтія, касающимися трехъ полосъ: сѣверной, куда вошли двѣ новгородскія пятины, центральной, куда вошли коренные уѣзды московскаго государства, Московскій и Тверской, и окраинной, юго-восточной, ко-

торая составилась изъ остальныхъ новозамочныхъ уѣздовъ. Данныя этихъ книгъ даютъ указанія на распредѣленіе поземельнаго владѣнія въ московскомъ государствѣ къ XVI ст. и въ то-же время представляютъ матеріалъ для исторіи поземельныхъ отношеній. Г. Блюменфельдъ въ своемъ очеркѣ довольно подробно изложилъ, какъ постепенно получала преобладаніе та или другая форма землевладѣнія, каковы: вотчины, помѣстья, монастырскія земли, черныя и бѣлыя земли, дворцовыя, «государевы оброчныя земли». Далѣе онъ коснулся вопроса о способахъ пріобрѣтенія правъ на имущества, указавъ, между прочимъ, на тотъ любопытный фактъ, что уже въ XVI ст. земля тяжело была обременена ипотечнымъ долгомъ, такъ какъ изъ всей земли, перешедшей изъ однѣхъ рукъ въ другія, около 10% перешло вслѣдствіе просрочки въ платежѣ долга, влекшей за собою обращеніе заложеннаго имущества въ собственность заимодавца; вообще же въ это время замѣтна громадная и быстрая мобилизація поземельной собственности. Указавъ затѣмъ на почерпнутыя имъ изъ писцовыхъ книгъ свѣдѣнія о типѣ крестьянъ-собственниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ своеземцевъ, г. Блюменфельдъ закончилъ свой докладъ очеркомъ бобыльства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Докладъ г. Блюменфельда имѣетъ чисто спеціальный интересъ, а потому мы ограничились самымъ краткимъ и сжатымъ изложеніемъ содержанія его.

Отдѣленіе первобытныхъ памятниковъ.

Засѣданіе 17 августа.

Засѣданіе было открыто въ $1\frac{1}{2}$ дня, предсѣдательствовалъ почетный предсѣдатель д-ръ Ванкель.

Графъ А. С. Уваровъ представилъ рефератъ *о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ костюмѣ русской женщины въ древнѣйшую эпоху*, заключавшій въ себѣ приблизительно слѣдующее: арабскій историкъ Ибнъ-Фоцланъ говоритъ въ описаніи посольства своего, что у русскихъ женщинъ на груди привязывается коробочка изъ желѣза, мѣди, серебра, золота, смотря по состоянію и богатству; къ этой коробочкѣ придѣлывается кольцо, а въ немъ виситъ ножъ; все это помѣщается на груди. Гр. Уваровъ нашелъ вещественное объясненіе или иллюстрацію того, о чемъ здѣсь говорится. А именно: фибулы находятся въ минусинскихъ курганахъ, круглыя открываются и играютъ роль коробочки. Подобныя фибулы и той-же самой конструкціи были найдены въ курганахъ Муромы съ монетами IX и X стол., одна мѣдная, одна серебряная. И въ наше время въ Псковской и сѣверной части Витебской губ. живущее тамъ племя (остатки Чуди), извѣстное подъ названіемъ полувѣрцевъ, представляетъ ту-же самую особенность въ костюмѣ женщины; женщины здѣсь носятъ тѣ-же серебряныя фибулы. Съ перваго взгляда всѣ эти особенности кажутся мелочью. Но разъ мы допустимъ, а, кажется, можно считать это даже доказаннымъ, что Ибнъ-Фоцланъ подъ Русью разумѣлъ имя собирательное, т. е. всѣ тѣ племена, что спускались по Волгѣ, стало быть, и псковская Чудь и Меря, то, сопоставляя всѣ данныя, получаемъ свѣтъ, бросаемый извѣстіемъ арабскаго историка.

Въ возникшихъ затѣмъ преніяхъ по поводу реферата гр. Уварова было обращено вниманіе на то, что остается неразъясненнымъ, соотвѣтствуютъ-ли гипотетѣ гр. Уварова остальныя части костюма. Быть можетъ, Ибнъ-Фодланъ «подъ Русью не подразумѣвалъ ничего русскаго». Пока разъяснена только одна деталь. Но этого, очевидно, мало. Въ тѣхъ случаяхъ, когда фибулы были находимы вмѣ-

стѣ съ скелетами, не существуетъ основаній предполагать въ этихъ скелетахъ тюркскаго происхожденія. Затѣмъ, нѣкоторыми членами былъ заявленъ тотъ фактъ, что фибулы находятся въ употребленіи и понынѣ. Онѣ встрѣчаются возлѣ озера Пейпусъ и носятся рыбочками, которыя прячутъ въ нихъ шолки, нитки и проч. Проф. Самоквасовъ находилъ ихъ возлѣ Пятигорска; въ послѣднемъ случаѣ въ фибулахъ хранились румяна.

В. Б. Антоновичъ прочелъ рефератъ о скальныхъ пещерахъ по бассейну р. Днѣстра. Охарактеризовавъ мѣстность, въ которой встрѣчаются пещеры, г. Антоновичъ разъяснилъ, какимъ образомъ онѣ построены. Всѣхъ пещеръ изслѣдовано имъ 14. Попадавшіеся въ пещерахъ предметы найдены не внутри ихъ, а лишь возлѣ, въ окрестности —выше или ниже, что зависѣло отъ характера почвы пещеръ. Самое изслѣдованіе пещеръ представляло большія трудности: 1) известковыя скалы легко крошатся и вывѣтриваются; 2) весьма часто входъ въ пещеры затрудняется, вслѣдствіе хозяйственныхъ сооруженій окрестныхъ жителей; такъ, напримѣръ, жители одного селенія заложили входъ въ ближайшую къ ихъ селенію пещеру только потому, что ихъ овцы часто забѣгали въ нее и тамъ пропадали. Г. Антоновичъ принимаетъ два типа пещеръ: естественныя и искуственныя. Къ первому относятся тѣ, которыя служили жилищемъ первобытному человѣку; ко второму пещеры, возникшія уже въ вѣка средніе. Представляя съѣзду результаты своихъ послѣднихъ работъ (онѣ выставлены на выставкѣ), г. Антоновичъ вкратцѣ коснулся лишь наиболѣе важнѣйшихъ изъ нихъ. Насколько мы поняли рефератъ г. Антоновича, онъ имѣлъ задачей доказать (или, по крайней мѣрѣ, указать), что пещеры, осмотрѣнныя имъ по бассейну р. Днѣстра, относятся къ палеологическому періоду каменнаго вѣка; къ этому-же періоду относятся и найденныя въ этихъ пещедахъ человѣческія кости. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Антоновичъ описалъ нѣсколько типическихъ пещеръ. 1) Пещера между селами Нѣгинымъ и Заручнымъ представляетъ рядъ извилистыхъ корридоровъ; корридоры эти вѣтвятся и заканчиваются корридорами глухими. Изрѣдка попадаются отдѣльныя камеры. Корридоры идутъ не на одномъ уровнѣ, но то возвышаются, то понижаются. Есть корридоры высокіе, но попадаются и столь низкіе, что черезъ нихъ приходится проползать. Дно пещеры завалено кучей человѣческихъ костей, достигающей поларшина вышины. Особеннаго интереса для археологіи кости эти не представляютъ, да ихъ уже и немного. 20 лѣтъ тому назадъ мѣстный католическій священникъ распорядился забрать ихъ и похоронить, а 2 года тому назадъ примѣру патера послѣдовало какое-то, власть имѣющее, лицо. Преданіе говоритъ, что кости, найденныя въ этой пещерѣ, древняго происхожденія. Еще во времена татарскаго ига въ ней спасались и находили пріютъ преслѣдуемые татарами обыватели эгой мѣстности. Какъ ни мало склоненъ г. Антоновичъ вѣрить преданіямъ, если они не подтверждаются научными и безспорными фактами, онъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ вышеупомянутое преданіе заслуживаетъ вѣроятія; немалое значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые старинные документы кіевскаго губ. правленія, извѣстные г. Антоновичу. Весьма возможно, слѣдовательно, что кости принадлжатъ мѣстнымъ жителямъ, перебитымъ татарами или задушеннымъ дымомъ. Тѣмъ не менѣе, кости эти—останки различныхъ поколѣній. Въ верхнемъ слоѣ найдена монета чекана 1620 года, въ нижнемъ—скелетъ со всѣми признаками первобытнаго человѣка. У подножія скалы, въ нижнемъ слоѣ пещеры, въ черноземѣ, найдены 2 каменныхъ топорика. 2) Пещера у м. Студеницъ значительно отличается отъ преждеописанной. Въ ней нѣтъ такихъ извилистыхъ корридоровъ, какъ въ первой, а есть рядъ залъ, соединенныхъ короткими переходами. Около пещеры найдена масса кремневыхъ «отбивныхъ» орудій. Въ одномъ изъ овраговъ, въ промоинѣ, найдены зубъ и нѣсколько костей мамонта рядомъ съ кремневыми «отбивными» орудіями. По мнѣнію г. Антоновича, такое совмѣстное присутствіе остатковъ мамонта съ первобытными орудіями должно служить доказательствомъ принадлежности человѣческихъ костей и самой пещеры къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка. 3) Религіозныя пещеры возлѣ с. Латаки принадлежатъ къ типу искусственныхъ. Здѣсь замѣчательны скальный монастырь, ризница, келья и погребъ, высѣченныя въ скалѣ. 4) Пещера въ с. Бакоти весьма интересна уже

въ томъ отношеніи, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи пустонаусительства въ южной Россіи, о которомъ наши лѣтописи едва упоминаютъ. Скальный монастырь существовалъ здѣсь уже въ началѣ XI вѣка. Стѣны украшены рисунками; на нихъ замѣчаются рисунки и на камняхъ у входа; особенно типичны они въ пещерахъ у с. Нагорянъ. Здѣсь всѣ стѣнѣ испещрены нарѣзками, знаками и фигурами, представляющими фигуры крылатыхъ людей—весьма неискусной работы. 5) Пещеры у с. Буши Подольской губерніи подверглись вліянію болѣе новыхъ временъ. Стѣны одной изъ пещеръ носятъ надписи позднѣйшаго происхожденія (XVI вѣка) на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Фигуры на стѣнахъ и вообще рисунки, сдѣланные бореллефами, — весьма древняго происхожденія. Одинъ барельефъ былъ демонстратированъ г. Антоновичемъ. Этотъ барельефъ изображаетъ фигуру—нѣчто вродѣ каменной бабы, — стоящую на колѣняхъ передъ деревомъ, на которомъ сидитъ пѣтухъ, и держащую въ рукахѣ чашу. Сзади фигуры стоитъ огромный олень. По мнѣнію г. Антоновича, барельефъ этотъ принадлежитъ къ дохристіанской эпохѣ. Г. Антоновичъ окончилъ свое сообщеніе при долго неумолкавшихъ рукоплесканіяхъ всей публики.

Г. *Кондаковъ* высказалъ мнѣніе о важности открытаго въ пещерѣ у с. Буши барельфа для монументальной археологіи. Для разъясненія вопроса о древности его весьма важно принять во вниманіе стиль этого памятника. Сравнивая его особенности съ особенностями стиля другихъ произведеній этого рода, г. Кондаковъ пришелъ къ заключенію, что барельефъ (особенно та часть его, на которой изображена каменная баба) носитъ на себѣ всѣ слѣды примитивности «иконографическаго представленія». Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго стилямъ классическому, христіанскому, византійскому, средневѣковому и т. д. Г. Кондаковъ, въ виду всего этого, вполнѣ присоединился къ мнѣнію г. Антоновича о принадлежности вышеозначеннаго барельефа къ палеологической эпохѣ каменнаго вѣка.

По мнѣнію г. *Анучина*, послѣднія раскопки г. Антоновича, не смотря на огромный научный интересъ, ими возбуждаемый, не доказали, что человѣкъ жилъ въ пещерахъ въ палеологическій періодъ каменнаго вѣка. Если-бы это были дѣйствительно пещерныя поселенія, то, во-первыхъ, кости и различные предметы были-бы находимы не вокругъ пещеръ, а въ самыхъ пещерахъ. Во вторыхъ, должны быть остатки трапезы и болѣе неправильно выдѣланныя орудія, характеризующія эту эпоху. Кости, найденныя г. Антоновичемъ, попадаются и въ иныхъ, болѣе позднихъ поселеніяхъ. Наконецъ, надо было-бы констатировать присутствіе въ пещерахъ «органическихъ представителей» эпохи. Г. *Антоновичъ* указалъ на то мѣсто своего реферата, въ которомъ говорится о совмѣстномъ нахожденіи костей человѣка и мамонта.

Послѣ разъясненія г. Антоновича г. *Анучинъ* согласился съ нимъ, что первобытный человѣкъ жилъ въ пещерахъ бассейна Днѣстра въ каменномъ вѣкѣ, но настаивалъ на томъ, что никоимъ образомъ это не можетъ относиться къ древнѣйшему періоду этого вѣка. Ни данныя современной науки вообще, ни изслѣдыванія г. Антоновича, изложенныя въ его рефератѣ въ частности, не даютъ основаній утверждать достовѣрность послѣдняго предположенія. Оно, пожалуй, вѣроятно, но и только. Вѣрность этого замѣчанія призналъ и г. *Антоновичъ*.

Г. Прендель представилъ съѣзду краткій предварительный отчетъ (съ картой) объ изслѣдованіи острова Березани съ цѣлью отысканія на немъ слѣдовъ первобытной древности. Островъ Березань лежитъ при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ. Въ сѣверной части его находится 6 кургановъ, повидимому, уже разрытыхъ; на юго-восточномъ берегу замѣтны развалины крѣпостныхъ стѣнъ. Очертивъ вкратцѣ топографію и географическое положеніе острова, докладчикъ привелъ нѣсколько данныхъ о его геологическомъ строеніи. Съ самаго сѣвера (считая отъ горизонта моря) тянутся третичные раковинные извѣстняки (одесскій извѣстнякъ), покрытые желтоватымъ пескомъ; въ почвѣ встрѣчаются кости быка, свиньи, овцы, разныхъ рыбъ и птицъ. Породы покрыты рыхлой сѣроватой землей, перемѣшаной съ золою, углемъ, черепками глиняной посуды и перегруженными раковинами съѣдобныхъ молюсковъ— Mytilus laxus и Cardium edule. Толщина этого слоя земли достигаетъ толщины 1—2 сажня. Къ югу отложеніе утончается

и наконецъ совершенно исчезаетъ. Въ южножной части острова на желтоватомъ пескѣ лежитъ красная глина, а выше лессъ. Раскопки были произведены г. Пренделемъ совмѣстно съ лаборантомъ Новороссійскаго университета г. Видгальмомъ. Изслѣдованію подверглись преимущественно слои скопленій кухонныхъ остатковъ. Уже на глубинѣ одного метра были находимы необтесанные камни, расположенные по направленію остатковъ траншеи, слѣды которой сохранились съ 1855 года. Нѣсколько глубже залегалъ темный слой земли, заключавшій въ себѣ массу золы, обугленныхъ костей и кусковъ древеснаго угля. Въ этомъ слоѣ, отчасти-же по сосѣдству съ нимъ, во множествѣ попадались или цѣльные кувшинчики, слезницы, или большіе черепки и отдѣльныя части изломанныхъ кувшиновъ и урнъ. Кувшины и урны были наполнены (конечно, не всѣ) золою и обугленными частями животныхъ. Въ одномъ глиняномъ сосудѣ, имѣвшемъ подобіе большаго чана, похожаго на малороссійскую «макотру», найдены сильно вывѣтрившіяся дѣтскія кости. Подъ слоемъ золы были замѣчены человѣческія кости во всевозможныхъ положеніяхъ. Подъ черепомъ одного изъ такихъ скелетовъ найдена монета (obolus), а въ ногахъ — урна съ золою. Надписей на кувшинахъ и урнахъ не оказалось. Нѣкоторые черепки покрыты глазурью и разрисованы. Металлическихъ украшеній не найдено. Не.много влѣво отъ траншеи выкопаны кости ребенка и янтарныя бусы, составлявшія, вѣроятно, когда-либо ожерелье.

На восточномъ берегу найдены въ нижнихъ слояхъ кусочки мѣди и много маленькихъ монетъ, имѣющихъ форму дельфиновъ. На западномъ берегу, на поверхности земли — нѣсколько камней, обрисовывавшихъ, въ общихъ чертахъ, контуры могилъ. Изслѣдованія г. Пренделя привели его къ заключенію, что слои кухонныхъ остатковъ не могутъ быть относимы къ эпохѣ доисторическаго человѣка, но ко времени древне-греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря. Издѣлій изъ кремня не найдено. Прибавимъ, что, по мнѣнію г. Пренделя, основанному на геологическихъ данныхъ, островъ Березань въ новѣйшія геологическія эпохи былъ соединенъ съ материкомъ.

По прочтеніи реферата г. Пренделя засѣданіе было закрыто въ $2^3/_4$ ч. дня.

45

БЮЛЛЕТЕНИ

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ОДЕССѢ

№ 3.

(Изъ газеты „Новороссійскій Телеграфъ“).

ОДЕССА,

Типографія «Новорос. Телегр.» Сабанскій переулокъ, д. № 2-й.

1884.

Дозволено цензурою. Одесса 18 августа 1884 года.

VI Археологическій съѣздъ

въ Одессѣ.

ПОУЧЕНІЕ

на молебствіи въ день открытія археологическаго съѣзда (15-го августа) при Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ, сказанное преосвященнымъ Никаноромъ, епископомъ херсонскимъ и одесскимъ.

И буди свѣтлость Господа Бога нашего на насъ, и дѣла рукъ нашихъ исправи.

Прокименъ молебствія.

Позвольте поблагодарить васъ и похвалить, по крайней мѣрѣ, выразить вамъ нашу радость, и, конечно, призвать на васъ и честное дѣло ваше благословеніе Господне. Открывая ваше археологическое собраніе, вы, по исконному русскому обычаю, собрались предварительно во святый храмъ сей соединить вашу частную молитву съ общественною молитвою церкви. Отрадно это потому, что увы! въ послѣдніе сіи, во многомъ печальные дни не всегда и не вездѣ такъ бываетъ. Бываетъ и такъ, на нашихъ глазахъ было, что открывается въ цѣломъ краѣ важное новое учрежденіе, примѣрно новыхъ судовъ, а заправители открытія, предъ лицомъ цѣлаго города и края и предъ сознаніемъ всего русскаго народа, не хотятъ, по извѣчному русскому обычаю, призвать на свое новое дѣло, общее великое дѣло, благословеніе Господне соединенною молитвою своею и церковною, и общенародною. Мои же очи видѣли и то, что при открытіи въ другомъ краѣ того-же новаго и весьма важнаго для общенародной жизни учрежденія заправители открытія соизволили сдѣлать снисходительную уступку народному обычаю торжественнаго предначальнаго молебствія; зато за совершеніемъ молебствія изволили показать ясно предъ всѣми, имѣющими очи видѣти, что сами совсѣмъ уже освободились отъ народныхъ предубѣжденій, почему при общественномъ священнодѣйствіи совсѣмъ-же и не крестились, и не кланялись, и не молились, а только, когда священнодѣйствующій архіерей обращался къ предстоящимъ съ уставнымъ благословеніемъ и преподаніемъ мира всѣмъ, они, хозяева дѣла, всѣ до единаго русскіе православные люди, стоя рядомъ, отдѣльно отъ прочихъ, предъ лицомъ всѣхъ предстоящихъ дѣлали только вѣжливость чуть-чуть склонять, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что думаютъ склонить свои высокодумныя головы. Такія явленія могутъ наводить на разныя невеселыя размышленія, на аналогіи и заключенія въ родѣ того, что и мы мало-по-малу тихими стопами тщимся завлечь къ себѣ и водворить среди русской земли третью, да и вторую, да чего добраго, въ придачу къ третьей, и второй, и первую французскую республику, по крайней мѣрѣ, по части вѣры. Потому-то мы и позволили себѣ выразить вамъ и нашу радость, и благодарность, и похвалу. Не смущайтесь. Ни-

кто не выше чьей-бы то ни было похвалы, особенно-же искренней отъ чистаго сердца. Богъ выше всякой похвалы, выше всякаго благодаренія. Однако-же мы и хвалимъ Бога, и благодаримъ Его, и радуемся Богу, помощнику нашему. Такъ мы радуемся и вамъ, помощникамъ нашимъ въ нашемъ святомъ дѣланіи. Въ наши во многомъ печальные дни торжественное моленіе, въ нѣкоторыхъ кругахъ, дѣло далеко не совсѣмъ обычное, наоборотъ, дѣло, равняющееся подвигу, равняющееся проявленію гражданскаго мужества. Искреннее же моленіе при этомъ равняется исповѣданію имени Христова предъ человѣками, котораго многіе начинаютъ дѣйствительно стыдиться,—исповѣданію, которое напоминаетъ собою чуть не исповѣдничество первыхъ вѣковъ христіанства.

Вѣруемъ, по нѣкоторымъ же добрымъ признакамъ и судимъ, что вы выполняете не только внѣшность обряда, не только общественную церемонію, но причащаетесь и духу ея, искренно призывая небесное благословеніе Отца свѣтовъ на ваше высокое дѣло науки и просвѣщенія. И будетъ свѣтлость Господа Бога нашего на васъ, и дѣло рукъ вашихъ самъ же Онъ на путь правый направитъ.

Обратите ваше вниманіе. Я хочу указать вамъ яснѣйшее, очевиднѣйшее, поразительнѣйшее доказательство бытія Божія, доказательство, которое преподаетъ намъ въ убѣдительнѣйшемъ видѣ опытъ именно нашего послѣдняго времени.

Кто ходитъ во свѣтѣ лица Божія, на томъ свѣтлость Господа Бога нашего пребываетъ и дѣла рукъ его самъ Господь на правый путь свой направляетъ. Это говорилъ для своего времени св. псалмопѣвецъ Давидъ. Но это истина ощутительная и для всякаго, какъ и для нашего времени. Если-же мы не ощущаемъ ее, то только потому, что не слѣдимъ за духовными опытами въ себѣ и въ другихъ. Ходить во свѣтѣ лица Божія значитъ ежечасно, ежеминутно поставлять себя предъ лицемъ Божіимъ. Значитъ, видѣть болѣе или менѣе ясно, что выражается на лицѣ Божіемъ, чего Богъ хочетъ, чему сочувствуетъ, отъ чего отвращается, на что гнѣвается; значитъ, слѣдя за этимъ въ нашей душѣ, приникая къ образу Божію, начертанному въ нашемъ сердцѣ, прислушиваясь къ голосу совѣсти, гласу Божію внутри насъ, приглядываясь къ свѣту воли Божіей, самимъ Богомъ возженному и ярко горящему для насъ въ божественномъ откровеніи,—значитъ согласно съ этимъ и направлять свои духовныя стопы. Тогда человѣкъ и идетъ прямою дорогою, не колеблясь въ совѣсти. Предъ очами его ясно горитъ свѣточъ слова Божія, какъ маякъ среди мрачнаго треволненія житейской бури. Тогда голосъ совѣсти всегда подскажетъ ему, куда и какъ дорога жизни ведетъ прямѣе къ истинѣ и высшей правотѣ. Тогда при постоянномъ приникаціи къ свѣту Евангелія и голосу совѣсти, при самоуглубленіи и пристальномъ созерцаніи образа Божія, человѣкъ можетъ созерцать въ каждую данную минуту выраженіе лица Божія, когда оно бываетъ свѣтло и когда омрачается, и, созерцая это, восходить вѣрно и умомъ къ незыблемому убѣжденію въ истинѣ, и волею къ правотѣ, и сердцемъ къ высшей и высшей евангельской чистотѣ. Ходя-же во свѣтѣ лица Божія, человѣкъ тогда привлекаетъ отблескъ этого божественнаго свѣта и въ свою собственную душу, и свѣтлость Господа Бога нашего отражается въ душѣ постояннымъ душевнымъ миромъ, отражается въ лучшія минуты жизни глубочайшими ощущеніями радости о Дусѣ Святѣ,—ощущеніями, которыя, испытавъ разъ, христіанинъ, подобно апостоламъ, восторженно узрѣвшимъ божественный свѣтъ преображенія на Ѳаворѣ, на-долго остается подъ радужнымъ озареніемъ этого свѣтлаго руководящаго ощущенія. Тогда онъ мирно шествуетъ и къ кончинѣ живота своего и умираетъ съ ощущеніемъ глубочайшаго мира, въ которомъ предвкушаетъ радость и вѣчно блаженнаго безсмертія.

Для насъ это почти общія мѣста, потому что мы далеки отъ опытно духовной жизни. Но есть и теперь чистыя христіанскія души, которыя такъ именно живутъ и то чувствуютъ, какъ это мы сейчасъ изобразили. Изъ частныхъ лицъ, которыя не живутъ чистою духовною жизнію, ни одна душа сама въ себѣ этого не чувствуетъ. Однако-же даже между свѣтскими мыслителями мы имѣли глубокихъ психологовъ, по крайней мѣрѣ—одного*), которые въ своихъ твореніяхъ такое высокое духовное состояніе изобразили. Значитъ, идея такого

*) Достоевскаго.

духовнаго состоянія существуетъ, и взята она изъ дѣйствительности. Но въ цѣломъ православномъ христіанскомъ народѣ это наглядно для всякаго, даже неглубокаго мыслителя. Не знаетъ нашъ народъ ни исторіи христіанства, ни христіанской догматики; ясно умомъ не понимаетъ и Евангелія. Тѣмъ не менѣе народъ, въ своей цѣльности, постигаетъ духъ Евангелія и располагаетъ свою жизнь по этому духу. Знаетъ нашъ народъ, что такое жизнь по Божію закону, что чистота, что милосердіе, что самоотверженіе, что воздержаніе, постъ и молитва, что покаяніе по грѣхопаденіи. Такъ онъ и живетъ, такъ онъ и жилъ цѣлую тысячу лѣтъ. Онъ ходилъ предъ Богомъ во свѣтѣ лица Божія; творилъ въ великія годины отечественной жизни даже величайшіе подвиги самоотверженія и любви христіанской; и свѣтлость лица Божія отражалась на немъ, отражалась въ мирной покорности судьбѣ, въ мирномъ ощущеніи глубокихъ радостей жизни привременной, даже при тяжкой жизненной долѣ; отражалась въ мирномъ и радостномъ чаяніи царства небеснаго себѣ и сродникамъ и всѣмъ. И Русь во свѣтѣ лица Божія росла, мужала и крѣпчала. И всѣ дѣла рукъ нашихъ прямою стезею направлялись къ единой цѣли, ввозрастанію отечества во времени и спасенію христіанскихъ душъ въ предѣлахъ вѣчности.

Возьмемъ теперь противное,—тогда дѣло станетъ нагляднѣе. Вотъ нынѣ появились, увы! уже не единицы, не сотни, не тысячи, а многія тысячи лицъ, которыя воображаютъ себя самыми умными, умнѣе самого Бога, насколько Онъ отразилъ свѣтъ ума своего во свѣтѣ божественнаго откровенія. Эти люди отвергаютъ историческое христіанство. Пусть. Сто лѣтъ тому назадъ глаголемые умнѣйшіе люди, отвергая христіанство, не отрицали Бога. Христіанскіе-же мыслители твердили имъ, что вы, отрицая христіанство, исключаете Бога. Тѣ отрицали это утвержденіе. Но послѣдующіе глаголемые умные люди отвергли и Бога и безсмертіе, не исключая однако же высокую нравственность. Христіанскіе мыслители твердили и этимъ, что безъ Бога и безсмертія нравственность невозможна. Тѣ опять отрицали и это утвержденіе. Новѣйшіе-же умные люди опять подтвердили и его, отрицая обязательность не только христіанской, но и всякой морали. Нравственный кодексъ этихъ людей есть уже ужасающая и отнюдь не скрываемая мерзость; есть такая зловредная низость, глубже которой трудно и упасть. Сравните вотъ. Нравственныя правила, которыя мы имѣемъ, къ несчастіе въ наши дни слышать изъ живыхъ устъ, читать въ книгахъ и видѣть въ осуществленіи, падаютъ несравненно ниже всего того, что мы видѣли во времена самаго глубокаго упадка язычества, при паденіи древняго міра; падаютъ неизмѣримо ниже всего того, что мы видимъ теперь въ средѣ нецивилизованныхъ языческихъ народовъ; падаютъ безпредѣльно ниже всего того, что свѣтъ едва загорающейся исторіи указываетъ намъ въ нравственныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ примитивныхъ народовъ, едва только выходившихъ изъ состоянія патріархальной простоты или-же предполагаемой учеными дикости, точнѣе—одичалости. Посмотрите, сколько у героевъ Гомера, близкихъ будто-бы къ состоянію дикости, сколько у нихъ всяческаго благородства, благородства чувствъ, правилъ и поступковъ! Какая въ общемъ воздвигается высота древняго духа! У современныхъ-же якобы мыслителей, наоборотъ, отрицается всякій принципъ благородства, какъ величайшая глупость. Не говоримъ о томъ, что они позволяютъ себѣ самимъ въ своей коммунарной жизни. Идеаломъ тамъ ставится просто скотская жизнь. Но что они считаютъ дозволеннымъ для себя относительно другаго лагеря! Всякое отрицаніе свободнаго договора, условія, взаимной пощады, благоснисхожденія, всякаго благородства, всякаго уваженія ко врагу, отрицаніе всего, что искони вѣковъ считалось рыцарственнымъ, Не только позволяется, но заповѣдуется всенаиболѣе низкое, всякая вѣроломная измѣна, обманъ, насиліе, воровство, грабежъ, бросаніе изъ за угла всѣмъ убійственнымъ, комками грязи, камнями, выстрѣлами, взрывами, наигнуснѣйшею клеветой, наимерзостнѣйшею ложью. Чего-же они хотятъ этимъ достигнуть? Желаютъ-ли они счастія другимъ? Нѣтъ, ихъ идеалъ общее разрушеніе. Предвидятъ-ли счастіе себѣ? Нѣтъ и того. Идеалъ ихъ коммуны — человѣкъ для человѣка будетъ волкомъ. Нѣтъ, онъ будетъ хуже волка. Волкъ дерется съ волкомъ, но другъ-друга волки не загрызаютъ. Къ чему-же стремятся? Къ разрушенію для разрушенія; а тамъ будь

что будетъ! Пусть будетъ пустыня, въ которой скитается нѣсколько дикихъ звѣрей, готовыхъ пожрать другъ-друга.

Это будущее, близкое-ли, далекое-ли. Дай Богъ, чтобъ оно никогда небыло настоящимъ. *Не введи насъ Господи во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.* Но я хочу выяснить то, достигаютъ-ли эти люди душевнаго мира теперь? Достигаютъ-ли себѣ? Даютъ-ли миръ другимъ? Облагодѣтельствована ли ими русская земля? Умиротворилась ли наша жизнь къ послѣднимъ днямъ? Увы! Смятеніе внесено въ умы, которое идетъ дальше и дальше. Омраченіе внѣдряется въ сердца, которое разливается глубже и глубже. Гдѣ теперь поэзія старо-русской жизни, не та поэзія, что вылилась въ стихахъ и записана на бумагу, а та поэзія мирнаго и радостнаго ощущенія жизни, которая до послѣднихъ дней витала въ нашихъ сердцахъ, въ сердцахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ на нашей памяти! Увы! Одними она опозорена, другими припрятана, всѣхъ сама оставляетъ, улетая куда-то въ даль отъ нашей смятенной земли. Хорошо-ли себя чувствуютъ, по крайней мѣрѣ, сами первые виновники этого духовнаго переворота? На это отвѣчаютъ опыты повальнаго распространенія мрачнаго настроенія душъ, повальное распространеніе общественной тревоги, свидѣтельствуютъ неожиданные взрывы мрачныхъ преступленій, повальное распространеніе легкомысленнѣйшихъ, повидимому, самыхъ безпричинныхъ самоубійствъ. Мальчику поставили низкій баллъ,—покончить съ собою. Взрослому сказали грубое слово,—покончить съ собою. Гдѣ теперь въ нашей жизни Христово слово: *претерпѣвый до конца той спасется?*... «Какое тамъ спасеніе? Не сегодня-завтра ничтожество! Днемъ раньше, днемъ позже, все равно»!.... Вотъ основной принципъ современной разливающейся смертоносною холерою морали.

И вотъ теперь всѣ, которые безъ Бога, безъ Христа и безъ Креста, не знаютъ, куда направить дѣла рукъ своихъ. «Ужъ не лучше ли къ разрушенію»?.... Не знаютъ, куда идти. Не знаютъ, для чего жить и даже стоитъ-ли жить? Не знаютъ, во что вѣрить, потому что съ каждымъ пятилѣтіемъ мы спускаемся къ болѣе и болѣе глубокому отрицанію. Начинаемъ съ отрицанія нравственнаго, съ отрицанія Бога, безсмертія, нравственнаго закона и воздаянія. Продолжаемъ отрицаніемъ всякой благородной задачи жизни. Ставимъ идеаломъ на мѣсто добродѣтели, на мѣсто дѣланія добра себѣ и другимъ, злодѣяніе и другимъ, до повальнаго разрушенія, и себѣ, до ненависти къ жизни, до жженія жизни со всѣхъ концовъ, до конца концовъ—самоуничтоженія. А кончили-бы, если бы были дѣйствительно умны и послѣдовательны, отрицаніемъ всякой очевидной истины, такъ какъ вѣдь и этотъ свѣтъ только въ моемъ глазу; и эта непроницаемость только относительная, только кажущаяся моему ощущенію; и эта вѣсомость улетучивается въ невѣсомость; и весь этотъ міръ только мучительная иллюзія, что можно доказывать какъ дважды два,—весь міръ—порожденіе глупой воли, безсознательнаго хотѣнія. И обязательное состояніе самаго развитаго духа—пессимизмъ, наискверненѣйшее себяощущеніе въ наискверненѣйшемъ сцѣпленіи вѣчно терзающихъ иллюзій. И обязательный идеалъ жизни—самоистребленіе, потушеніе обще-человѣческаго сознанія въ абсолютномъ ничтожествѣ и покоѣ небытія. Ничего подобнаго безконечно мрачнаго не создавала мысль даже саморазлагающагося древняго міра...

Такъ вотъ куда, безъ Бога, безъ Христа, слишкомъ быстро пошла современная мысль, современная мораль, современная жизнь. Къ отрицанію самой жизни, къ отрицанію любви, какъ живительнаго начала жизни, къ отрицанію всякой истины. Очевидно, что безъ Бога нѣтъ и жизни. Есть только прирожденная неисторжимая жажда жизни; но съ нею рядомъ же, по мѣрѣ отрицанія, растетъ и ненависть къ жизни, къ жизне-радостному чувству не только чужому, но и своему... Такъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, должно быть по теоріи, есть на практикѣ. Это вотъ я и называю наипоразительнѣйшимъ, наиочевиднѣйшимъ доказательствомъ бытія Божія. И это доказательство въ наипоразительнѣйшей очевидности выставилъ опытъ нашихъ дней.

Пошатнулись въ русской землѣ, какъ и во всемъ европейскомъ просвѣщенномъ наукою свѣтѣ, основы вѣры. И вотъ мы теряемъ способность дышать духомъ нашей исторіи. Мы питаемъ въ себѣ и разливаемъ вокругъ себя вмѣсто исконной прирожденной любви ненависть къ нему. Мы теперь сби-

лись съ пути и не знаемъ куда направить дѣла рукъ нашихъ, уже, въ самомъ дѣлѣ, не къ разрушенію-ли отечества? Мы теперь зажмурили очи, закрываемъ свои сердца для свѣта Христова, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, свѣта, въ которомъ путь и истина и жизнь; оттого стопы наши и направляются по пути къ сѣни смертной. Гдѣ-же теперь искать свѣтлости Господа Бога нашего на насъ, свѣтлаго отраженія лица Божія въ нашихъ сердцахъ? Тамъ воцаряются повальный мракъ, повальная тоска и тягота жизнію... Спаси Боже и помилуй всѣхъ насъ...

Потому я и говорю, мы, хотя все это въ одинаковой мѣрѣ и не раздѣляемъ, всѣ мы, потому что въ мірѣ все солидарно. Всѣ мы дышемъ больше или меньше общимъ міровымъ духомъ, и всѣ распространяемъ этотъ духъ, духъ вѣка сего, духъ князя тмы. Всѣ мы и всегда боремся между свѣтлымъ и темнымъ началами. И оба начала ведутъ извѣчную войну между собою изъ за насъ. Дадимъ-же въ себѣ побѣду свѣтлому началу. Двинемся въ эту свѣтлую минуту своею доброю волею въ свѣтлую сторону. Не постоимъ только холодными безучастными зрителями при этомъ христіанскомъ священнодѣйствіи, не только потерпимъ его въ своей средѣ, но потянемся къ нему съ сочувствіемъ и умиленіемъ нашимъ русскимъ духомъ; но воздохнемъ глубоко къ Отцу духовъ и свѣтовъ, да будетъ свѣтлость Господа Бога нашего на насъ; да направитъ Господь дѣла рукъ нашихъ во свѣтѣ лица своего; да озаритъ этимъ жизнерадостнымъ свѣтомъ и дѣло нашего ума, ваше научное изслѣдованіе; да озаритъ ваше изслѣдованіе древности жизнерадостнымъ привлекательнымъ свѣтомъ нашу общую колыбель, наше дѣтство, юность и возмужалость общенародной нашей жизни, чтобы всѣ мы до единаго возлюбили ее въ ея духѣ, въ преданіяхъ и завѣтахъ, какъ нашу собственную жизнь, какъ нашихъ отцовъ и матерей, какъ нашу собственную колыбель, въ которую плевать грѣшно, противоестественно и богопротивно; чтобы возникающая во многихъ ненависть къ старорусской, къ нашей собственной жизни, разсѣялась, какъ дымъ, разстаяла, какъ воскъ предъ лицемъ огня, предъ свѣтомъ лица воскресающаго въ нашихъ сердцахъ Бога отцовъ нашихъ, нашего собственнаго Бога, нашей жизни, свѣта и радости, высшей радости теперь на землѣ, безконечной радости и на небѣ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Отдѣленіе памятниковъ классическихъ.

Засѣданіе 17 августа.

Засѣданіе было открыто въ 6 часовъ вечера; предсѣдательствовалъ почетный предсѣдатель И. В. Цвѣтаевъ.

Ө. И. Люперсольскій сдѣлалъ сообщеніе «О каллипидахъ по Геродоту». Темой реферата было разъясненіе одного мѣста у Геродота (17 глава IV книги), въ которомъ историкъ, упоминая о томъ, что каллипиды представляли собою одно изъ скиѳскихъ племенъ, называетъ ихъ, тѣмъ не менѣе, не просто скиѳами, но скиѳами-эллинами.

Л. Ф. Воеводскій сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о составленной имъ картѣ древнихъ поселеній на югѣ Россіи. Карта составлена по порученію подготовительнаго комитета VI археологическаго съѣзда—въ видѣ приложенія къ членскимъ билетамъ, имѣвшаго цѣлью облегчить гг. членамъ оріентировку на преніяхъ, по могущимъ возникнуть вопросамъ географіи и этнографіи. «Не претендуя на самостоятельность», г. Воеводскій поставилъ себѣ задачей составить ситуацію карты (начертаніе контуровъ страны, горъ, теченій рѣкъ, и т. п.), распредѣлить древнія названія и передать ихъ въ русской транскрипціи. Составленіе ситуаціи встрѣтило затруд-

ненie вслѣдствie разнорѣчивости картъ. Г. Воеводскiй отдаетъ предпочтенie картѣ южной Россiи изъ англiйскаго Royal Atlas Johnson'a. Измѣненiя и дополненiя оказались необходимыми для устьевъ Дуная, для Крыма и Таманскаго полуострова. Нѣсколько видоизмѣнены почва и теченiя рѣкъ. Важнѣйшiе города и селенiя обозначены красными кружками. До-петровскiя названiя подчеркнуты. Ситуацiя дополнена слѣдами городовъ и стѣнъ (пятнышки и ломанныя линiи). Что касается распредѣленiя названiй, то они должны быть провѣрены по древнимъ источникамъ. Въ транскрипцiи названiй г. Воеводскiй принимаетъ русскiя окончанiя и рейхлиновское произношенie. Имена на ης и εος=ъ, а имена на ον=ъ или й.

В. Н. Юргевичъ прочелъ рефератъ подъ заглавiемъ «Замѣчанiя о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссiйскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованiя». Къ важнѣйшимъ задачамъ русской археологiи принадлежитъ, безъ сомнѣнiя, опредѣленie мѣстностей, на которыхъ находились въ древности извѣстные намъ города и поселенiя народовъ, жившихъ въ предѣлахъ русскаго государства. Такими мѣстностями для археологiи юга Россiи будутъ: 1) г. Аккерманъ —мѣстонахожденie древняго города Тиры; 2) Инкерманъ—мѣстонахожденie древняго Евпаторiона неправильно, по мнѣнiю г. Юргевича, прiурочиваемаго гг. Бруномъ и Бурачковымъ къ окрестностямъ Севастополя, Юртлука или нынѣшней Евпаторiи; 3) устье рѣки Тилигула, гдѣ находился древнiй городъ Одиссосъ или Ордиссосъ (по мнѣнiю И. А. Стемпковскаго, высказанному еще въ 1826 году, рѣка Тилигулъ тождественна съ Аксiакомъ Плинiя, Помпонiя Мелы и Птоломея). Предположенie о мѣстонахожденiи Одиссоса въ устьѣ рѣчки Тилигула требуетъ дальнѣйшихъ подтвержденiй, и 4) нынѣшнiй Азовъ —мѣстонахожденie средневѣковой Таны. Существованie Таны на мѣстѣ нынѣшняго Азова, по мнѣнiю профессора Юргевича, подлежитъ большому сомнѣнiю.

По прочтенiи реферата г. Юргевича, засѣданie было закрыто въ 9 час. веч.

Памятники юридическаго и общественнаго быта.

Засѣданie 18 августа:

Засѣданie происходило подъ предсѣдательствомъ почетнаго предсѣдателя И. В. Лучицкаго. Ѳ. И. Леонтовичъ сообщилъ докладъ объ аналогическомъ значенiи и происхожденiи древне-русскихъ отроковъ и дѣтей боярскихъ и современныхъ кавдагардовъ и другихъ служебно-родовыхъ классовъ кавказскихъ горцевъ. Матерiалы по обычному праву кавказскихъ горцевъ содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ архаизмовъ. Изученie горскихъ адатовъ важно въ чисто-научныхъ интересахъ выясненiя общихъ законовъ развитiя правовыхъ идей и институтовъ. Рефератъ г. Леонтовича былъ посвященъ объясненiю генезиса и значенiя общественныхъ классовъ, извѣстныхъ у осетинъ подъ именемъ кавдагардовъ и кумiаковъ, у черкесъ и другихъ горцевъ подъ именемъ тума или тумаковъ и чанковъ (ченке, джанки), классовъ, съ которыми, по мнѣнiю референта, имѣютъ аналогическое значенie «отроки» или «чадь» древне-русскихъ памятниковъ, эти несомнѣнные предки «боярскихъ дѣтей» московской эпохи. Вопросъ о древнемъ значенiи и происхожденiи дѣтей боярскихъ далеко не выясненъ въ наукѣ. Источники указываютъ на существованie боярскихъ дѣтей въ московскую эпоху и «отроковъ» или «чади» въ болѣе раннiе перiоды русской исторiи, но не даютъ отвѣта на вопросы, почему не допускалось полное уравненie этихъ классовъ съ боярами, въ силу чего одни дѣти бояръ сами дѣлались боярами, а другiе оставались въ приниженномъ состоянiи от-

рочества. Разъясненіе этого вопроса г. Леонтовичъ находитъ въ строѣ и составѣ древне-русской семьи и полагаетъ, что отроки или чадь и дѣти боярскія были лица, происшедшія отъ рабынь, «робьи» дѣти, вообще отъ неравныхъ браковъ. Подтвержденіе этого предположенія г. Леонтовичъ находитъ въ институтахъ, открываемыхъ въ родовыхъ адатахъ кавказскихъ горцевъ. Архаическіе институты «неровныхъ браковъ» и приниженнаго соціальнаго положенія происшедшихъ отъ нихъ дѣтей существовали вездѣ до послѣдняго времени у горцевъ сѣвернаго и восточнаго Кавказа и въ древнемъ монгольскомъ правѣ. Референтъ остановился на изображеніи соціальнаго и юридическаго быта такихъ дѣтей у осетинъ, называвшихся тамъ «кавдагардами» и «кумiаками». Кавдагарды означали дѣтей осетинскихъ старшинъ, прижитыхъ ими отъ лицъ, принадлежавшихъ къ низшимъ общественнымъ классамъ. Кавдагарды составляли исключительную принадллежность сословія старшинъ и не того или другого старшины лично, но цѣлой фамиліи или рода, къ которому принадлежали матери ихъ. Кавдагардъ не можетъ быть ни проданъ, ни уступленъ. По осетинскому обычаю, если всѣ члены старшиннаго рода умерли и родъ пресѣкся, то кавдагарды этого рода дѣлятъ между собою все имущество его и переходятъ въ классъ вольныхъ людей. Съ другой стороны, классъ кавдагардовъ имѣетъ строгій сословно-наслѣдственный, замкнутый характеръ. Ни сами они не могутъ выходить изъ своего сословія, ни никто другой не можетъ вступить въ этотъ классъ. Дѣти кавдагардовъ слѣдуютъ всегда состоянію не отца, а матери. Отношенія кавдагардовъ къ своимъ старшинамъ имѣютъ характеръ строгой крѣпостной зависимости. Въ сферѣ имущественной правоспособности кавдагарды сближались скорѣе съ вольными людьми, чѣмъ съ рабами. Кавдагарды составляли дворню своей старшинной семьи; но старшина имѣлъ право отвести своему кавдагарду участокъ земли и дать ему въ подмогу рабочій скотъ и другія хозяйственныя средства. Если умиралъ глава осетинской старшинной семьи и имущество его подлежало раздѣлу между наслѣдниками, то кавдагарды не должны были входить въ раздѣлъ, а оставались въ общемъ владѣніи наслѣдниковъ. Наконецъ, подобно рабамъ, кавдагарды могли выйти на свободу лишь по отпускной своей старшинной фамиліи или въ случаѣ полнаго вымиранія старшиннаго рода. Гдѣ-же искать причину и объясненіе осетинскаго кавдагардичества? Г. Леонтовичъ думаетъ, что первые зародыши этого явленія могли появиться еще въ ту отдаленную эпоху родовой жизни осетинъ, которая предшествовала появленію идеи индивидуальныхъ браковъ, когда дѣти могли принадлежать не тому или другому лицу, а цѣлому роду, когда существовало рѣзкое юридическое различіе между эндогаміей и экзогаміей, причемъ только дѣти отъ женщинъ своего рода считались полноправными членами рода; тотъ-же, кто произошелъ отъ инородца, считался простой, крѣпостной, безправной челядью. Позже въ быту кавказскихъ горцевъ старыя чисто-родовыя разграниченія и различія смѣняются различіями сословными.

Рефератъ г. Леонтовича вызвалъ довольно оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе гг. Ковалевскій, Багалѣй и Кулишеръ. Пренія касались, главнымъ образомъ, какъ изложеннаго г. Леонтовичемъ осетинскаго института кавдагардичества, такъ и высказаннаго имъ предположенія о происхожденіи отроковъ или чади и боярскихъ дѣтей.

Слѣдующій докладъ принадлежалъ М. М. Ковалевскому и касался присяги, какъ одного изъ доказательствъ древняго процесса у осетинъ. Обыкновенный порядокъ принесенія присяги у осятинъ состоитъ въ слѣдующемъ: Присягавшій приходилъ къ дзуару (святилище) и бросалъ въ отверстіе его свою шапку, или палку, данную противникомъ, произнося при этомъ клятву. По прошествіи нѣкотораго времени, онъ возвращался за нею, бралъ ее обратно и приносилъ къ посредникамъ. По вѣрованіямъ осетина, каждый дзуаръ есть жилище извѣстнаго духа. Входя въ дзуаръ, осетинъ думаетъ, что становится лицомъ къ лицу съ самимъ духомъ, въ немъ пребывающимъ. Безнаказанно являться къ нему не можетъ человѣкъ неправедный. Отсюда убѣжденіе въ томъ, что показавшаго неправильно дзуаръ (этимъ именемъ называется также и самый духъ) не отпуститъ безнаказанно отъ себя и въ частности не дастъ ему унести обратно шапку. У осетинъ ходитъ рядъ сказаній о томъ, что смерть неоднократно постигала на небольшомъ разстояніи отъ дзуара

лицъ, давшихъ ложныя показанія. Кромѣ этой, у осетинъ существуетъ до 8 видовъ присяги: именемъ духа Сафы, именемъ предковъ, на могилѣ убитаго, землею, на могилахъ предковъ и проч. Со времени установленія русскаго владычества въ Осетіи, всѣ эти виды присяги постепенно отходятъ на задній планъ и въ горскихъ судахъ допускается только клятва на Евангеліи или коранѣ. Но эта присяга для осетинъ не имѣетъ значенія; въ глазахъ осетина только та присяга ненарушима, которой придерживались его предки. Мировые судьи и члены горскихъ судовъ заявляютъ, что присяга только тогда кажется страшной горцу, когда принесена въ освященной обычаемъ формѣ, и констатируютъ частое принесеніе горцемъ ложной присяги, по крайней мѣрѣ въ русскихъ судахъ. —У большинства современныхъ европейскихъ народовъ присяга не считается судебнымъ доказательствомъ, а употребляется лишь какъ ручательство истинности показаній свидѣтелей и рѣшеній присяжныхъ. У осетинъ присяга является обыкновеннымъ видомъ доказательства и судьи предлагаютъ ее отвѣтчику, чтобы онъ очистился ею отъ взводимаго на него обвиненія. По древнимъ законамъ, стоило только отвѣтчику заявить подъ присягой, что приписываемое ему дѣйствіе не было имъ содѣяно, и всякое дальнѣйшее преслѣдованіе само собою прекращалось и самъ онъ признавался оправданнымъ по суду. Этотъ рѣшительный характеръ удержанъ за присягою и въ настоящее время если не мировыми судьями, то аульными судами. Какъ ни страннымъ кажется то обстоятельство, что обвиняемый, очищая себя присягой, является какъ-бы судьею въ собственномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе, такой порядокъ процесса не составляетъ особенности однихъ осетинъ. Мы встрѣчаемъ его у германцевъ, въ кельтійскомъ правѣ, у славянъ и въ частности въ Русской правдѣ.—Осетинамъ извѣстна и подкрѣпительная присяга большаго или меньшаго числа родственниковъ, такъ называемыхъ присяжниковъ. Это явленіе объясняется устройствомъ общества на кровномъ началѣ, при которомъ члены общества не только живутъ вмѣстѣ, сплоченно, но и дѣйствуютъ сообща. При такомъ порядкѣ имъ извѣстна вся жизнь обвиняемаго до мельчайшихъ подробностей, и въ этомъ случаѣ присяга, связанная съ самыми страшными заклинаніями, вполнѣ приложима, такъ какъ гарантируетъ, что члены рода скорѣе откажутся отъ своего порочнаго члена, чѣмъ нарушатъ присягу. И институтъ соприсяжничества имѣетъ широкое распространеніе въ древнемъ процессѣ. Эти соприсяжники—родственники и такой характеръ они сохраняютъ до тѣхъ поръ, пока продолжается родовое сожительство; только при учащающихся раздѣлахъ присяга теряетъ значеніе доказательства и принимаетъ характеръ ручательства.

Въ заключеніе слѣдовалъ докладъ г. Блюменфельда «древности поземельнаго права». Рефератъ касался вопроса о происхожденіи частной поземельной собственности. Указавъ на происхожденіе общиннаго пользованія землей, явившагося слѣдствіемъ выгодъ кооперативнаго труда и защиты отъ враговъ и другихъ бѣдствій, г. Блюменфельдъ довольно подробно изложилъ образованіе первоначальной семьи, имѣвшей чисто физіологическую связь, и постепенное преобразованіе ея въ общину или задругу, затѣмъ въ волость, распадающуюся на отдѣльныя деревни. Затѣмъ референтъ указалъ на выдѣленіе изъ общей массы населенія класса лицъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ богатство и вліяніе. Эти лица не составляли отдѣльнаго сословія, а представляли экономическій классъ, превосходившій остальное населеніе богатствомъ. Не составляя правящаго класса, бояры фактически сдѣлались имъ, вслѣдствіе своего вліянія. Образованіе частной поземельной собственности г. Блюменфельдъ объяснялъ скопленіемъ въ рукахъ болѣе богатыхъ членовъ общины скота и земледѣльческихъ орудій. Земля сама по себѣ не имѣла цѣнности. Она получала цѣнность только при возможности обработать ее. Неимѣвшіе скота нанимались обрабатывать землю тому, кто имѣлъ его и земледѣльческія орудія. Въ заключеніе референтъ подробно объяснилъ образованіе закупничества и холопства, но размѣры газетнаго реферата не позволяютъ намъ подробно изложить интересный докладъ г. Блюменфельда.

Засѣданіе отдѣленія византійскихъ древностей 18 августа.

Предсѣдательствовалъ г. докторъ Любичъ; секретарь — профессоръ Успенскій.

Предполагалось прочесть три реферата; но за неимѣніемъ времени было прочтено только два: 1) рефератъ г. Троицкаго «Символика на епископской палицѣ» и 2) рефератъ г. Успенскаго «О неизданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи».

Занимаясь розысканіями и осмотрами церкво-археологическихъ памятниковъ въ Тульской эпархіи и преимущественно тѣхъ, въ которыхъ такъ или иначе выражаются и развиваются библейскія идеи, г. Троицкій, между прочимъ, недавно обратилъ вниманіе на ризницу Тульской эпархіи и особенно на находящуюся тамъ епископскую палицу съ символическими рисунками. Объясненіе этихъ символическихъ рисунковъ онъ и даетъ въ своемъ докладѣ. Эти рисунки, по словамъ автора, находятся въ зависимости отъ «византійской» архитектурной формы храма и выражаютъ общую съ ней идею онаго».

Авторъ не допускаетъ, чтобы рисунокъ на палицѣ былъ произведеніемъ творчества одного лица, а останавливается на твердомъ предположеніи, что «между рисункомъ палицы, церковной живописью и архитектурной формой храма находится тѣснѣйшая связь. Это предположеніе оказалось удачнымъ настолько, что на рисунокъ палицы можно смотрѣть, какъ на копію храма.

Переходимъ къ описанію занимающаго насъ рисунка.

Главныя линейныя фигуры—кругъ, четыреугольникъ и концы креста. Если на этихъ фигурахъ, какъ основаніяхъ, построить храмы, то получатся основныя формы храмовъ: круглая, четыреугольная, крестообразная. Всѣ эти формы — символы и каждая изъ нихъ выражаетъ какую-нибудь идею. Это вполнѣ понятно и постулируется тѣмъ простымъ соображеніемъ, что «быть не могло, чтобы для христіанъ первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ зданіе храма само по себѣ ни о чемъ не напоминало, ничего не говорило,—не имѣло идейной связи съ богослуженіемъ, совершавшемся въ храмѣ, и никакого отношенія къ людямъ, находящемся въономъ, также какъ стѣны амфитеатра не имѣли ничего общаго съ дѣйствіемъ на сценѣ и т. д.». Это невѣроятно уже потому, что форма храма такъ живуча и такъ устойчива. Такъ, наприм., извѣстно, что форма восточнаго храма была очень постоянна и это опять-таки приходится объяснить только тѣмъ, что въ основѣ *постоянной* формы лежала идея, а если эта форма и видоизмѣнялась, то это было ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе усовершенствованья.

Предположивъ эту идею, приходится подумать о ея зародышѣ: онъ кажется лежитъ «въ самомъ понятіи о храмѣ и его назначеніи». Это раскрывается и изъ постепеннаго, поступательнаго развитія христіанскаго и собственно церковно-византійскаго искуства.

Сами синонимы понятія «храмъ» показываютъ, какъ высоко было христіанское пониманіе храма (Βασιλική Κυριακόν, Ἐκκλησία). Каждое изъ этихъ названій, изъ этихъ синонимовъ, не случайность, а тоже какъ-бы символъ и понятіе. Эти символы обозначаютъ: то верховное мѣсто судилища, гдѣ судіею былъ самъ Богъ, то мѣстопребываніе Бога, то мѣсто собранія вѣрующихъ, гдѣ всѣ они составляли «единое стадо единаго пастыря». Поэтому храмъ есть какъ-бы мѣсто царствія божьяго по преимуществу. Этому понятію соотвѣтствуетъ и его архитектура.

Если христіанскій храмъ въ формѣ базилики, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и не имѣлъ связи съ храмомъ Іерусалимскимъ въ архитектурномъ смыслѣ, то тутъ есть несомнѣнная связь по идеѣ. Далѣе, такъ какъ христіанское богослуженіе было совершеннѣе іудейскаго, то и самое понятіе о храмѣ должно было тоже пополниться представленіемъ объ этомъ совершенствѣ.

Такъ Іисусъ Христосъ называлъ храмъ, сообразно выраженію прор. Ісаія, «домомъ отца своего, а отсюда, опять-таки сообразно словамъ Ісаіи, апостолы и христіанская церковь считаютъ храмъ только видимымъ образцомъ дома Божія, и учатъ поклоняться Ему не въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, но по всему лицу земнаго шара. Отсюда понятно, что храмъ долженъ былъ символизировать собой (своей формой) весь видимый міръ. Византійская и древне-русская

форма храма и имѣютъ это значеніе. Оно открывается изъ основныхъ очертаній формъ храма. Эти основныя очертанія находятся и на рисункѣ палицы.

Авторъ даетъ сравненье по частямъ. 1) линейная фигура (по срединѣ) есть кругъ. Онъ изображаетъ собой предѣлъ земной поверхности. Въ этомъ кругѣ находится виноградная лоза, вьющаяся двѣнадцатью кольцами. Если принять кругъ и эти кольца за основаніе храма, то получится круглый храмъ съ 12 колоннами. Такая форма была придана храму еще Константиномъ Великимъ. Куполъ на подобномъ храмѣ изображаетъ небесный сводъ. Виноградная лоза и 12 колецъ—«несомнѣнный символъ церкви апостольской, какъ единнаго тѣла Христова».

Авторъ коснулся также исторіи развитія иконостаса. Оказывается, что прежде онъ представлялъ изъ себя простую рѣшетку, отдѣлявшую священно-служителей отъ публики; потомъ стали ставить колоны, которыя украшались иконами. Изъ этого уже развилась его настоящая форма. Этихъ столбовъ было 12; они означали апостоловъ, основныхъ столповъ христіанской церкви. Это и можно сравнить съ 12-ю кольцами, выходящими изъ одной лозы, какъ единаго источника христіанской церкви, Іисуса Христа. По традиціи изображеніе виноградной лозы дѣлается и теперь на иконостасахъ. Оно есть на дверяхъ и одесскаго каѳедральнаго собора.

2) Вторая основная фигура, описанная около круга—четыреугольникъ. Онъ представляетъ все пространство видимаго міра. Четыреугольная форма храма есть основная форма базилики. Послѣ этого форма была немного видоизмѣнена Юстиніаномъ великимъ. Четыреугольный фасадъ сталъ близокъ къ квадрату. Интересно еще и то, что кругъ сталъ тутъ второстепенной фигурой и онъ выражаетъ собой, напримѣръ, въ константиновой базиликѣ, только куполъ.

Такое символическое значеніе четыреугольника мы встрѣчаемъ и у епископа леонскаго Иринея. Эта форма существовала очень долго. При этомъ надо замѣтить, что колонны въ числѣ 12-ти нашли себѣ мѣсто въ предалтарной части, но отъ этого измѣненія формы не измѣнилась символика; она даже стала полнѣе и совершеннѣе. «Такимъ образомъ, форма храма, видоизмѣненная Константиномъ, перемѣненная потомъ Юстиніаномъ, сохранила основную идею храма, какъ подобіе видимаго міра»... Съ такой идеей она перешла и въ Кіевскую Русь; отсюда во Владиміръ Кляземскій и Москву, гдѣ сохранилась и доселѣ.

Такой взглядъ свидѣтельствуется и византійскими писателями. Такъ, патріархъ Сафроній училъ: «сводъ надъ алтаремъ есть образецъ перваго неба, а потомъ надъ остальною частью церкви означаетъ видимое небо, имѣя надъ собою горящіе кадила вмѣсто звѣздъ». Въ другемъ мѣстѣ у Максима Исповѣдника говорится.... «церковь есть подобіе міра въ цѣломъ его составѣ».

3) Наконецъ, третья линейная фигура есть крестъ. И она находитъ полное соотвѣтствіе въ архитектурѣ храма, именно въ формѣ такъ-называемой крестообразной. Эта форма получается или отъ крестообразнаго устройства стѣнъ или отъ пристроекъ. Это было уже въ древнихъ храмахъ. Идея крестообразной формы храма основана очевидно на томъ, что на крестѣ зиждется христіанская церковь и спасается его побѣдоносною силою. Изъ такого сопоставленія линейныхъ фигуръ, лицевыхъ изображеній, находящихся на рисункѣ палицы, съ основными очертаніями главнѣйшихъ формъ Византійской архитектуры храма и лицевыми изображеніями на его деталяхъ (углахъ, иконостасѣ) слѣдуетъ, что: а) «рисунокъ палицы составленъ въ зависимости отъ архитектурной византійской формы храма и ея церковной идеи; но какъ символическій рисунокъ на палицѣ ясно выражаетъ свою идею, то: б) по содержанію рисунка палицы можно опредѣлять и идею архитектурной византійской формы храма, а именно: в) византійскій храмъ, въ его византійской и древне - русской формѣ есть подобіе видимаго міра, образецъ дома Божія и величественный символъ всеміраго царства Христова—церкви.

Такимъ образомъ, византійскій и древнерусскій храмъ есть не только произведеніе зодчества, но дѣло христіанскаго архитектурнаго искусства.

Таково содержаніе доклада г. Троицкаго. Этотъ докладъ вызвалъ живыя пренія; возражали гг. Кондаковъ, Покровскій и Петровъ. Мы не можемъ слѣдить за этими преніями, по недостатку времени и мѣста; прибавимъ только, что референтъ давалъ отвѣты на всѣ возраженія.

6.

БЮЛЛЕТЕНИ

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ОДЕССѢ

№ 4.

(Изъ газеты „Новороссійскій Телеграфъ“).

ОДЕССА,
Типографія «Новорос. Телегр.» Сабанскій переулокъ, д. № 2 й.
1884.

Дозволено цензурою. Одесса 20 августа 1884 года.

VI Археологическій съѣздъ

ВЪ ОДЕССѢ.

Засѣданіе отдѣленія византійскихъ древностей 18 августа.

Продолжаемъ нашъ отчетъ о засѣданіи 18 августа, по отдѣленію византійскихъ древностей.

Рефератъ г. Успенскаго «о неизданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи.

Своимъ рефератомъ авторъ имѣетъ въ виду обратить вниманіе ученыхъ на ту эпоху русской исторіи, когда Русь приняла крещеніе. Рефератъ его касается текста одного «слова» неизвѣстнаго автора; «слова», сказаннаго въ Святой Софіи, на тему: миръ съ болгарами. «Слово» это помѣщено въ греческомъ кодексѣ, находящемся въ Ватиканской библіотекѣ. По мнѣнію автора, заглавіе слова несоотвѣтствуетъ внутреннему содержанію, а есть позднѣйшая прибавка какого-то неизвѣстнаго книжника.

Мы не можемъ передавать подробно содержаніе этого слова (оно слишкомъ спеціально); мы передадимъ только тѣ, въ высшей степени интересные выводы, которые сдѣлалъ авторъ изъ анализа внутренняго содержанія этого слова.

По мнѣнію автора «нужно найти такой моментъ въ Византійской исторіи, когда-бы одновременно обнаруживали дѣйствіе 3 элемента, на которыхъ основано слово: жестокая усобица, неудачи болгарской войны и внѣшняя помощь, поданная иновѣрнымъ и иноязычнымъ вождемъ, который, оказавъ помощь, принялъ христіанство. Нѣтъ сомнѣнія, что эти три элемента соединились въ исторіи Византіи одинъ разъ именно въ 988—989 г.

Формальная сторона дѣла сейчасъ-же объяснится не въ пользу пріуроченія мѣста о болгарскихъ дѣлахъ къ событіямъ при Симеонѣ и Петрѣ и дѣтяхъ послѣдняго. Во первыхъ, когда является на сцену «народъ и возстаніе», то тутъ не мѣсто ни преемнику Симеона Петру, ни сыновьямъ послѣдняго, которыми и кончается династія: ораторъ прошелъ молчаніемъ весь этотъ періодъ, его воображеніе носится надъ новыми историческими фигурами, выдвинутыми народнымъ движеніемъ въ Болгаріи — разумѣю Шишмана и его сыновей. Во вторыхъ, стоитъ внимательно различать элементы дѣйствія: окажется, что если эти данныя примѣнить къ династіи Симеона, то не только выйдутъ несообразности, непримиримыя съ извѣстными отношеніями Петра къ грекамъ, но найдутся еще противорѣчія, касающіяся именно времени Петра. Воззрѣніе оратора не выходитъ за предѣлы времени Самуила, иначе картина была-бы гораздо утѣшительнѣе и приличнѣе празднику мира. У него напротивъ связь мыслей такого рода, что новый Протей и Моисей или Іона приходятъ на помощь тогда, когда болгаре продолжали издѣваться надъ

слабостью имперіи. По нашему мнѣнію, время на болгарскія дѣла обличаетъ близость и свѣжую память нанесеннаго грекамъ пораженія при Срѣдцѣ (987 г.).

Думаемъ, что достигнувъ безъ особенныхъ натяжекъ соглашенія разныхъ частей и указавъ каждому элементу свое мѣсто, мы достигли уже многаго для объясненія занимающаго насъ произведенія. Если нѣкоторые частности могутъ встрѣтить возраженія, то мы смѣло можемъ сослаться на общій тонъ произведенія, который приличествуетъ концу X в. и именно 989 г., а не другому времени. На основаніи вышесказаннаго, слову слѣдуетъ дать такое оглавленіе: «На усмиреніе мятежа и на просвѣщеніе Руси христіанствомъ. Разсматривая это произведеніе какъ новый греческій текстъ, мы можемъ спросить, какое-же значеніе этого текста, что именно даетъ онъ въ качествѣ новаго историческаго матеріала? На сей разъ мы ограничимся только одною частью темы: бросимъ взглядъ на тотъ отдѣлъ, который относится собственно до русско-византійскихъ отношеній.

Сюда относится во 1-хъ взглядъ автора-современника на политическую важность событія, взглядъ, совсѣмъ утраченный въ Византійской исторической литературѣ. Этотъ взглядъ выражается въ томъ, что съ принятіемъ Русью христіанства соединились въ цѣлостный составъ разъединенныя части вселенной и Русь стала дружественна грекамъ.

Во 2-хъ, дается характеристика лицъ и положеній, и между прочимъ Святослава и его фантастическихъ предпріятій.

Въ третьихъ, ораторъ пытается объяснить мотивы, почему ввелъ на Руси христіанство не Святославъ, котораго очевидно греки пытались обратить, а сынъ его Владиміръ, и пользуется при этомъ образомъ, взятымъ отъ построенія Соломономъ храма. Воинствующаго Святослава не соизволилъ Господь допустить до этого благочестиваго дѣла, а поручилъ совершить свою волю сыну его.

Въ четвертыхъ, дается одна черта къ объясненію принятія христіанства Владиміромъ. И онъ пришелъ къ намъ добровольно, ибо свыше было ему указаніе.

Наконецъ, въ пятыхъ, празднуемый миръ есть въ сущности прекрасный договоръ, заключенный съ Владиміромъ. «И мы разорвавъ руками отцовскую преграду, т. е. конечно договоръ Святославовъ, и поцѣловавшись и взявъ рука въ руку и давъ взаимную вѣрность и обсудивъ вопросъ за вопросомъ запечатлѣли мирный договоръ». Таковы нынѣшнія и вчерашнія наши дѣла.

Въ общемъ взглядѣ автора слова на стоящія въ связи съ крещеніемъ Руси событія вполнѣ подходитъ къ арабскимъ извѣстіямъ.

Участіе, принятое Русью въ дѣлахъ имперіи въ 988—9 году, почти совсѣмъ изгладилось изъ памяти слѣдующихъ поколѣній. Какъ извѣстно, самый актъ принятія христіанства въ лѣтописи византійской упоминается лишь мимоходомъ и представляетъ массу затрудненій для изслѣдователя. Русь съ принятіемъ христіанства измѣнила свою политику на востокѣ и отказалась во имя союза вѣры съ греками отъ попытокъ утвердиться на Дуная на Черномъ и Азовскомъ моряхъ; Русь принесла въ пользу Византіи значительныя жертвы, поступилась широкими притязаніями на югѣ. Нужно думать, что въ свою очередь Византія сдѣлала какія-либо уступки Владиміру, т. е. помимо духовнаго усыновленія и родства по сестрѣ Чареи подѣлились чѣмъ-либо вещественнымъ и матеріальнымъ. Въ этомъ смыслѣ едва-ли не имѣется новая дополнительная черта въ нашемъ памятникѣ.

Во первыхъ, въ имени Василія, которымъ называется Владиміръ послѣ христіанства, едва-ли не слѣдуетъ видѣть титулъ basileus, т. е. царь.

Само-собою разумѣется, если окажется справедливымъ это предположеніе, получится новая задача въ смыслѣ критики русской лѣтописи и оцѣнки лѣтописныхъ извѣстій о войнѣ Святослава съ греками. Именно Святославъ не долженъ былъ отказаться отъ Корсуни, а Владиміръ шелъ на этотъ городъ, чтобы вступить во владѣніе имъ по договору грековъ съ отцомъ; греки-же потому и подстрекнули печенѣговъ на Святослава, что не хотѣли признать силу за этимъ договоромъ, а по смерти Святослава не считали обязательнымъ для себя исполненіе его. Но эти выводы я не буду крѣпко отстаивать; я желалъ-бы лишь отстоять принадлежность «слова» къ 989 году.

Рефератъ этотъ вызвалъ живѣйшія пренія. Когда г. предсѣдатель обьявилъ пренія и предложилъ желающимъ высказаться, то первымъ выступилъ г. *Василевскій.* Онъ

призналъ важность прочитаннаго реферата и тѣ соображенія, которыя высказалъ авторъ по поводу его, не вполнѣ согласился относительно времени, къ которому авторъ пріурочиваетъ внутреннее содержаніе реферата. Его можно отнести не къ Владиміру, русскому князю, а къ Семеону, царю болгарскому. Выраженіе «полу-грекъ, полу-варваръ», которое авторъ подчеркивалъ въ своемъ рефератѣ, можно одинаково удобно приложить и къ Семеону. Заглавіе много означаетъ и г. Василевскій полагаетъ, что если оно и было надписано только позднѣйшимъ комментаторомъ, то во всякомъ случаѣ онъ ближе стоялъ къ дѣлу и лучше зналъ что писалъ. Тоже можно сказать и о примѣчаніяхъ на поляхъ. Г. Василевскій предположилъ, что на автора оказало вліяніе то, что онъ занимался вообще этой эпохой (относящейся къ Владиміру).

Что касается морской побѣды, которую авторъ пріурочиваетъ къ концу вѣка, то таковая была и при Львѣ Фокѣ, въ первой половинѣ X вѣка.

Г. Иловайскій замѣтилъ, что судя по стилю сочиненія, оно скорѣе относится къ началу, а не къ концу X вѣка. Потомъ онъ возразилъ противъ мнѣнія автора, что Владиміръ былъ въ Царьградѣ и заявилъ, что если въ словѣ и встрѣчаются выраженія вродѣ: «пришолъ къ намъ», то ихъ можно понимать иносказательно, напр., въ томъ смыслѣ, что Владиміръ принялъ участіе въ ихъ дѣлахъ, оказалъ имъ помощь и т. д. Г. Иловайскій окончилъ свои возраженія заявленіемъ, что онъ признаетъ важность сообщенія и смѣлость выводовъ, сдѣланныхъ авторомъ.

Г. Успенскій, отвѣчая оппонентамъ, заявилъ, что безъ сомнѣній и быть не можетъ; но, возражая противъ пріурочиванья рукописи ко времени Семеона, онъ сослался на то, что исторія Семеона слишкомъ хорошо разработана и очень извѣстна. Его имя могло-бы попасть въ «слово». Кромѣ того, слѣдя за градаціей его преемниковъ и родственниковъ, мы не знаемъ тамъ ни сыновей, ни племянниковъ, о которыхъ упоминается въ рукописи.

Таково содержаніе реферата и содержаніе преній о немъ.

Отдѣленіе памятниковъ языка и письма.

Засѣданіе 18 августа.

Засѣданіе открыто въ 6 час. вечера подъ предсѣдательствомъ почетнаго предсѣдателя г. Никитскаго.

А. В. Воскресенскій прочелъ рефератъ «о славянскихъ переводахъ евангелія». Въ своемъ введеніи референтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о методѣ и критическихъ началахъ, которыми, по его мнѣнію, долженъ руководиться всякій изслѣдователь при изученіи библейскаго текста. Перечисливъ наличное количество извѣстныхъ въ настоящее время списковъ евангелій до XV вѣка, г. Воскресенскій распредѣлилъ ихъ по редакціи текста на пять разрядовъ или фамилій. Первая редакція представлена древнимъ юго славянскимъ спискомъ, заключающимъ въ себѣ галицкое четвероевангеліе 1144 года, и другими древними списками; вторая—мстиславовымъ евангеліемъ XII вѣка; третья содержится въ единственномъ спискѣ, усвояемомъ святителю Алексѣю; четвертая ограничивается двумя списками XIV вѣка: константинопольскимъ евангеліемъ 1383 года и никоновскимъ; наконецъ, пятая отмѣчена по полному списку библіи 1499 года и другимъ спискамъ XV вѣка. Референтъ представилъ образцы отличій древняго перевода евангелія, содержащагося въ означенныхъ редакціяхъ, а именно, отличные отъ нынѣшняго печатнаго текста ва-

ріанты и разности собственно перевода. Общій выводъ тотъ, что славянскій переводъ евангелія (въ различныхъ редакціяхъ) постоянно, съ самой глубокой древности, былъ исправляемъ и постепенно все больше и больше приближался къ нынѣшнему печатному тексту. Рефератъ г. Воскресенскаго—краткое извлеченіе изъ обширнаго труда по затронутому въ рефератѣ предмету.

По мнѣнію г. *Троицкаго*, хотя и возможно, путемъ сличенія существующихъ славянскихъ текстовъ перевода евангелій, опредѣлить ихъ сравнительную древность, тѣмъ не менѣе, нельзя признать доказаннымъ то положеніе референта, въ коемъ онъ утверждаетъ, будто списки, заключающіе въ себѣ наибольшее сходство со всѣми остальными, всего ближе соотвѣтствуютъ первоначальному тексту. Что касается вопроса о томъ, на сколько тексты такого рода передаютъ вѣрно текстъ греческій, то это, конечно, можетъ быть выяснено лишь сличеніемъ древнѣйшихъ славянскихъ текстовъ съ безспорно вѣрнымъ греческимъ переводомъ. Но дѣло въ томъ, что безспорно вѣрныхъ переводовъ съ греческаго не имѣется. Существующіе варіанты во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны; въ этомъ отношеніи не выгодно выдается варіантъ Тишендорфа, которому референтъ, однако, отдаетъ предпочтеніе передъ всѣми другими. Г. Троицкій привелъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство явной тенденціозности и даже недобросовѣстности Тишендорфа.

На это г. *Воскресенскій* возразилъ, что онъ и не ставитъ текста Тишендорфа въ образецъ текста первоначальнаго, такъ какъ самъ Тишендорфъ отказался отъ мысли возстановить первоначальный текстъ. Затѣмъ, г. Воскресенскій заявилъ, что предпринятый имъ обширный трудъ по данному предмету еще далеко не законченъ и обстоятельное разъясненіе затронутыхъ г. Троицкимъ, а равно и многихъ другихъ вопросовъ, возможно будетъ только въ будущемъ,—послѣ дальнѣйшей разработки источниковъ.

Прочитанъ былъ рефератъ *Г. Н. Первольфа* о червоно-русскомъ переводѣ Вислицкаго статута. Послѣ присоединенія Червоной и Подольской Руси къ Польшѣ, въ русскихъ земляхъ было введено польское право — статуты Вислицкій и Вартскій (1430—1434 гг.). Такъ какъ не всѣ русскіе знали польскій языкъ, то явилась потребность въ переводѣ этихъ статутовъ съ польскаго языка на русскій. Сдѣлано было 2 перевода, изъ коихъ одинъ напечатанъ въ «Актахъ Западной Россіи», т. I, а другой (только отчасти)—въ польскомъ журналѣ «Dziennik Wilenski» (г. Сосновскимъ) 1822 года, но съ ошибками. Послѣдній переводъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ, какъ видно, участвовалъ чехъ. Это сказывается въ слѣдахъ чешскаго языка, замѣтныхъ въ словахъ и стилѣ статута, особенно въ предисловіи. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, этотъ переводъ можно отнести къ 1438—1445 годамъ. Рукопись, въ которой онъ находится, хранилась въ Супрасли и была извѣстна еще профессору Даниловичу въ 1827 году, но гдѣ она теперь—неизвѣстно. «Желательно было-бы, закончилъ г. Первольфъ свое сообщеніе, обратить вниманіе на эту рукопись 1520 года».

А. Я. Гаркави сдѣлалъ сообщеніе «о древнѣйшемъ русскомъ словарѣ». Глоссарій этотъ составленъ для объясненія трудныхъ для пониманія и чужестранныхъ словъ, преимущественно библейскаго текста, помѣщенъ въ концѣ Новгородской кормчей книги 1282 года и былъ изданъ Калайдовичемъ въ 1824 году, но безъ всякихъ объясненій и поправокъ искаженныхъ словъ. Референтъ анализировалъ весь составъ словаря, разобралъ, какія въ немъ слова греческаго происхожденія и какія еврейскаго, славянскаго и др., показалъ, какія слова искажены собирателемъ или переписчиками, причемъ ко многимъ изъ нихъ предложилъ свои поправки для возстановленія первоначальнаго чтенія. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ искаженныхъ словъ объяснить референту не удалось. Вслѣдствіе этого г. Гаркави обратился съ просьбой къ тѣмъ членамъ, которые занимаются спеціально славяно-русской филологіей,—оказать ему посильное содѣйствіе въ разъясненіи непонятныхъ словъ древнѣйшаго русскаго глоссарія. Изъ 174 словъ, составляющихъ словарь, 120 еврейскихъ, около 20 греческихъ, славянскихъ 12, латинскихъ 2 и 17 словъ неизвѣстнаго языка. Очевидно, что составитель зналъ по еврейски, но пользовался также и греческими источниками.

Засѣданіе было закрыто въ $8^1/_2$ ч. вечера.

Отдѣленіе исторической географіи и этнографіи.

Засѣданіе 18 августа.

Почетный предсѣдатель профес. Васильевскій, секретарь А. А. Матвѣевъ. Рефератъ В. Воеводскаго «*О названіи Чернаго моря*». Первое предположеніе, что названіе это произошло отъ того, что вода въ немъ чернѣе, чѣмъ въ другихъ моряхъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Второе предположеніе: названіе это произошло отъ того, что поверхность его при замерзаніи представляется черной, но и это не вѣрно. Существуетъ также мнѣніе (перешедшее во всѣ учебники географіи), что названіе произошло отъ того, что у береговъ его бываютъ сильныя бури, слѣдов., слово «черный» употреблено въ переносномъ значеніи. Но и въ другихъ языкахъ (въ греческомъ, турецкомъ) море наше носитъ такое-же названіе. Странно, поэтому, 1) что сохранилось именно такое условное названіе, и во 2-хъ употребленіе слова «черное» вмѣсто «бурное» въ примѣненіи къ реальнымъ предметамъ кажется вообще сомнительнымъ. Чѣмъ-же объяснить названія «Красное море», «Бѣлое», «Желтое»? Сомнительно, чтобъ отъ реальнаго признака въ прямомъ смыслѣ словъ «бѣлый», «красный» и т. д. Относительно Краснаго моря существуютъ различныя объясненія: красные берега, красныя поросли въ немъ и т. д. Но всѣ эти объясненія не вѣрны, потому что у другихъ народовъ аналогичныя названія придаются вѣтрамъ, къ которымъ нельзя, разумѣется, примѣнить этихъ объясненій. Max Müller говоритъ, что у индусовъ востокъ называется краснымъ, югъ—бѣлымъ, западъ—синимъ, сѣверъ — чернымъ (также у китайцевъ). Названія эти зависятъ отъ свѣта солнца въ различныхъ его положеніяхъ, или, скорѣе, отъ цвѣта неба въ различныхъ положеніяхъ солнца. И названіе Чернаго моря зависитъ отъ примѣненія къ нему названія неба, которое въ миѳологіи весьма часто скрывается подъ именемъ моря или океана. Нужно замѣтить, что вообще географическія названія заимствованы часто изъ миѳологіи, названія: Европа, Азія, Ливія и много другихъ произошли отъ миѳическихъ прозваній, примѣнявшихся первоначально къ лунѣ. Чаще всего эти миѳическія прозванія примѣняются къ рѣкамъ и морямъ. Черное море прежде называлось негостепріимнымъ, а потомъ гостепріимнымъ (должно быть потому, что оно сдѣлалось доступнымъ для грековъ). У береговъ его жилъ народъ, имѣвшій названія звѣздъ; Гиперборейцы, Киммерійцы, страны которыхъ (по Гомеру) страны ночи, ночное небо, противоположное солнечному. Поэтому и море ихъ есть мрачное, темное. Части этого моря носятъ также названія «бѣлое», напримѣръ Азовское, что зависитъ отъ времени года. Слѣдовательно, къ нашему морю примѣнялся терминъ миѳическій, имѣвшій первоначально иное значеніе, послѣ забвенія котораго и потребовалась локализація термина въ теперешнемъ топографическомъ значеніи. Взглядъ на миѳическое происхожденіе названія Чернаго моря подтверждается также данными изъ нашей миѳологіи (см. Голубиную книгу и сказки Афанасьева, т. I, стр. 320 и слѣд.).

Возраженій не было.

Второе сообщеніе принадлежало г. Эварницкому «*Поѣздка по Запорожью*». Сообщеніе это на столько интересно и любопытно, что мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Авторъ, приступивъ къ занятіямъ исторіей запорожскихъ казаковъ, рѣшилъ осмотрѣть на мѣстѣ территорію бывшаго запорожья и въ продолженіи 3-хъ лѣтъ производилъ свои раскопки. «Три раза проплывалъ я страшные днѣпровскіе пороги, пѣшкомъ въ рукахъ съ Бопланомъ, Лассотою и кн. Мышецкимъ провѣрялъ его притоки, заборы и острова, спускался въ пещеры, находящіяся въ гранитныхъ днѣпровскихъ берегахъ, розыскивалъ столѣтнихъ стариковъ, свидѣтелей нашаго Запорожья, бралъ на себя смѣлость вскрывать могилы, разбросанныя на казацкой землѣ, заходилъ въ монастыри и церкви, стараясь отыскать тамъ священныя книги, иконы и другіе вещественные памятники, оставшіеся отъ запорожскихъ казаковъ, знакомился съ слѣпцами-бандуристами, выслушивая ихъ гдѣнибудь подъ хатой, на завалинкѣ, то среди какой нибудь площади, во время ярмарки».

Результатомъ этихъ неустанныхъ трудовъ

явился чрезвычайно богатый матеріалъ, собранный авторомъ (предметы, найденные имъ при раскопкахъ, въ большомъ количествѣ, привезены имъ сюда на археологическую выставку),

Однимъ изъ запутанныхъ вопросовъ въ топографіи Запорожья представляютъ острова, о которыхъ мы не находимъ вѣрныхъ свѣдѣній ни у знаменитаго Боплана (въ его «Описаніи Украйны»), ни въ различныхъ картахъ Днѣпра, ни у Бухтѣева. Причина этому та, что Днѣпръ постоянно мѣняетъ свое русло, о чемъ сложилась даже народная пѣсня:

Жалувавсь лиманъ морю,
Шо Днiпръ взявъ свою волю:
Старi гирли засыпае,
Новi проробляе.

Всѣхъ острововъ въ предѣлахъ Запорожья авторъ насчиталъ 218 (у Боплана 18, у Бухтѣева—92); изъ нихъ самый дикій—Перунъ, а самый большой—Большая Хортица (въ окружности $24^1/_2$ версты). Пороговъ всѣхъ—9 (у Ф. Бруна—11): Старо-Койдацкій, Сурской, Лаханскій, Звонецкій, Ненасытецкій, Волниговскій, Будиловскій, Лишній и Вильный (по мѣстному Гадючій). Все пространство пороговъ—$65^1/_2$ верстъ.

Заборы всѣ расположены на лѣвомъ берегу Днѣпра; всѣхъ ихъ до 25 (у Бруна только 6).

Пещеры естественныя: 3 голубиныя, одна Пугачева, Зміева, Чортова хата (на правомъ берегу Днѣпра), Школа, Зміева (на лѣвомъ берегу). Искусственная пещера—одна, выше Волнаговскаго порога (20 саж. длины, 3 арш. высоты); сводъ на большомъ пространствѣ къ востоку законченъ. Вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ, авторъ не могъ проникнуть въ нее.

Самый интересный отдѣлъ реферата это—о Сѣчахъ. Сѣчь не была постоиннымъ учрежденіемъ, апереносилась съ мѣста на мѣсто. Всѣхъ Сѣчей 7. *Хортицкая* возникла въ 1557 г. по мысли кн. Д. Вишневецкаго (по народному казакъ Байда), прекратила свое существованіе въ 1558 г., а опять воздвигнута въ началѣ XVII в. по мысли знаменитаго гетмана Сагайдачнаго. Сѣчь эта на островѣ Б. Хортицѣ, заселенномъ теперь нѣмцами-колонистами; отъ запорожцевъ остались земляныя укрѣпленія, планъ которыхъ на выставкѣ.

2) *Томаковская* на островѣ Тумакѣ (по татарски—шапка), въ окружности 6 верстъ, лежитъ противъ с. Чернышовки, Екатеринославскаго уѣзда. Теперь островъ этотъ совершенно безлѣсенъ и необитаемъ. Въ этой Сѣчи жилъ одно время Богданъ Хмѣльницкій. Авторъ встрѣтилъ здѣсь интересную древность: бывшаго казака П. Рссолоду, которому отъ роду 114 лѣтъ; старикъ этотъ, у котораго память еще значительно сохранилась, сообщилъ много интереснаго о внутренней жизни запорожцевъ.

3) *Никитская* (теперь м. Никополь) помѣщалась на мысѣ (по казацки-рогѣ) и уже 40 лѣтъ, какъ смыта водой. Расположена была на 150 саж. ниже теперешней пароходной пристани въ Никополѣ; на ней было запорожское кладбище, капище, укрѣпленія, но все это мало по малу уносилось водой и уже нѣсколько лѣтъ на этомъ мѣстѣ потекла рѣка Орлова. Отъ запорожцевъ осталось довольно большое укрѣпленіе, расположенное въ видѣ огромнаго круга. Въ соборной церкви Никополя хранятся драгоцѣнные остатки запорожскихъ казаковъ, какъ-то: пушка, кружка атамана Сѣрко, плащаница, пожертвованная Гаркушей, хоругви, Евангеліе, вѣсящее почти 3 пуда (безъ 3-хъ ф.), замѣчательный аналой (пара, какъ говорятъ, тому аналою, на которомъ говорилъ Василій Златоустъ, замѣчательная икона, копіи портретовъ братьевъ Шіяновъ (оригиналы въ музеѣ одесскаго общества исторіи и древностей) и проч. Всѣ эти вещи перешли въ Никополь послѣ паденія Сѣчи въ 1775 г. Въ этой, какъ и въ Тамаковской сѣчи, скрывался одно время Богданъ-Хмѣльницкій, здѣсь онъ выбранъ былъ казацкимъ предводителемъ и отсюда началъ свой знаменитый походъ 1648 г. противъ поляковъ, походъ, закончившійся объединеніемъ Малороссіи съ Великороссіей.

4) *Чертомлыцкая* или *Старая*, въ 20 верстахъ отъ Никитской, на западъ (теперь дер. Копыловка, имѣніе Великаго Князя Михаила Николаевича). Сѣчь эта, какъ и Хортицкая, возникала 2 раза: въ 1594 г. и въ 1652 г. (по иниціативѣ атамана Лутая), существовала до 1709 г., когда послѣ измѣны запорожцевъ и ихъ атамана К. Гордіенко царю Петру, разрушена была русскими. Сѣчь эта тоже помѣщалась на мысѣ. Тамъ похороненъ И. Д. Сѣрко

(4 мая 1680 года, какъ о томъ гласитъ уцѣлѣвшій могильный крестъ). Сѣчь эта можетъ назваться прототипомъ настоящей запорожской Сѣчи, откуда разливались слова по всей Украйнѣ; здѣсь, кромѣ Сѣрко, пребывалъ и Сагайдачный. Въ народѣ много легендъ о Сѣрко. Одинъ старикъ увѣрялъ автора, что подъ памятникомъ Сѣрка скрыта одна только рука его; самъ-же онъ и по настоящее время сражается съ татарвой и ляхомъ; другой старикъ разсказывалъ, что послѣ смерти Сѣрка запорожцы, отрѣзавъ у него руку, засушили ее и 10 лѣтъ возили съ собой на войну. Бывало, въ крутыхъ обстоятельствахъ, стоило только кому-нибудь изъ запорожцевъ закричать, что рука и душа Сѣрка съ ними, и всѣ враги теряли свое мужество. Изъ остатковъ старины авторъ нашелъ тамъ: 1) сундукъ, а въ немъ кольцо, трубка, гвозди, казанъ и проч., 2) частоколъ въ насыпи, нѣсколько пуль и проч.

5) *Каменская* существовала долго (теперь дер. Консуловка или Разоровка, имѣніе М. Ѳ. Огаркова); до 1734 г., по указу Анны Іоанновны, перешла въ 6) *Алешковскую* Сѣчь. Изъ остатковъ старины въ Каменской—могила атамана К. Гордіенко (умеръ въ 1733 г.), а въ Алешковской—церковь у пристани изъ плетенаго хвороста.

7) *Красно-Кутовская* или *Новая* (на р. Подпильной, Екатеринославскаго уѣзда, у с. Базовлука) существовала до 1775 г. Въ ней осталось много памятниковъ старины: куполъ, иконостасъ, лопатка для дьякона съ именами начальниковъ, за которыхъ діаконъ особенную молитву творилъ въ праздники, нота; интересная икона, изображающая Божію Матерь, съ открытымъ платьемъ, при чемъ изъ подъ одной полы выглядываютъ монахи, а изъ-подъ другой запорожцы; сохранились также 22 церковныя книги, съ болѣе или менѣе интересными надписями; сохранился крестъ отъ сѣчевой церкви (хранится на чердакѣ) и лодка (чайка), которой авторъ не могъ вытащить за неимѣніемъ средствъ; есть также сволокъ, покрывавшій курень (длиною 22 аршина), созданный, какъ гласитъ о томъ надпись на сволокѣ, 24 мая 1710 г. Много интереснаго дали также раскопки: найденъ напр. трупъ казака, а въ головахъ графинъ съ водкой.

Раскопки въ другихъ мѣстахъ Запорожья дали тоже много интереснаго. Въ д. Вороной найденъ склепъ, въ которомъ оказался женскій трупъ, съ ожерельемъ на шеѣ; на груди была брошка, на колѣнахъ—зеркало, возлѣ правой руки—2 котелка, возлѣ лѣвой—кусокъ сюрьмы; вся фигура обмотана въ парчу; тамъ-же найдены 2 монеты, съ ордынскими и арабскими надписями.

Подробные результаты своихъ поѣздокъ авторъ обѣщаетъ изложить въ особомъ сочиненіи «Поѣздка на запорожскія урочища», къ которому будутъ приложены снимки и планы.

Сообщеніе г. Эварницкаго было встрѣчено, по достоинству, оглушительными апплодисментами.

Затѣмъ г. Бурачковъ сообщилъ нѣкоторыя замѣчанія по поводу брошюры А. В. Орѣшникова «Босфоръ Киммерійскій въ эпоху спартіакидовъ». Въ этихъ замѣчаніяхъ референтъ возражалъ на сдѣланные ему г. Орѣшниковымъ упреки по поводу составленнаго имъ (г. Бурачковымъ) каталога монетъ южной Россіи.

Возражалъ референту г. Подшиваловъ.

Какъ замѣчанія г. Бурачкова, такъ и возраженія г. Подшивалова, носили уже слишкомъ спеціальный характеръ, такъ что мы ихъ передавать не станемъ.

Засѣданіе было закрыто въ 9 часовъ.

Отдѣленіе памятниковъ искусствъ и художествъ.

Засѣданіе 20 августа.

Засѣданіе открыто въ $1^1/_4$ ч. дня подъ предсѣдательствомъ почетнаго предсѣдателя А. В. Прахова.

В. В. Сусловъ прочелъ весьма интересный рефератъ «о древнихъ деревянныхъ церквахъ въ Вологодской и частью въ Ар-

хангельской губерніяхъ». Референтъ давалъ объясненія при помощи прекрасно выполненныхъ рисунковъ, чертежей и фотографій находящихся на выставкѣ. Г. Сусловъ началъ съ указанія на богатство окраинъ нашего сѣвера древними памятниками. Эти памятники мало изслѣдованы, но важность такого рода изслѣдованій для исторіи отечественной архитектуры и зодчества очевидна. Нѣкоторые изъ памятниковъ были осмотрѣны, изслѣдованы и описаны референтомъ по порученію Императорской академіи художествъ. Вотъ краткій историческій обзоръ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на ихъ развитіе. Уже въ 1147 г. преподобный Герасимъ нашелъ въ Вологдѣ посады и церкви. Архитектурныя постройки воздвигались отчасти христіанскими проповѣдниками и миссіонерами, распространявшими въ краѣ христіанство, отчасти-же въ видахъ промышленныхъ и торговыхъ. На первые шаги мѣстной архитектуры вліяли прежде всего и сильнѣе всего новгородцы—по чисто историческимъ условіямъ. До XV вѣка «мѣстное искусство шло своей дорогой», развивалось вполнѣ самостоятельно—до тѣхъ поръ, пока Москва не перетянула къ себѣ лучшихъ и первоклассныхъ мастеровъ. Съ тѣхъ поръ мѣстное зодчество, лишенное своихъ лучшихъ силъ, усвоило себѣ шаблонныя формы и на нихъ остановилось. Затѣмъ референтъ сдѣлалъ описаніе выдающихся типовъ деревянныхъ церквей. Наиболѣе общимъ изъ нихъ будетъ такой: церковь Вельскаго уѣзда имѣетъ открытую лѣстницу въ одинъ или два марша, параллельно или перпендикулярно къ входной стѣнѣ. Самый входъ (рундукъ) покрывался односкатомъ, трехскатомъ и четырехскатомъ, а иногда, какъ въ церквѣ по р. Двинѣ «бочкой». По лѣстницѣ входили въ трапезную, не высокое помѣщеніе, освѣщенное съ каждой стороны однимъ большимъ и (по бокамъ большаго окна) нѣсколькими волоковыми окнами. Въ трапезной находилась одна или нѣсколько скамей. Въ ней по храмовымъ праздникамъ происходили народные пиры въ складчину, а по буднимъ днямъ здѣсь священники бесѣдовали съ народомъ о его общественныхъ и мірскихъ дѣлахъ. На восточной сторонѣ трапезной, въ срединѣ, былъ входъ въ самую церковь; онъ былъ украшенъ рѣзными наличниками; по бокамъ его были устроены продолговатыя отверстія, благодаря которымъ находящіеся въ трапезной молящіеся могли слѣдить за богослуженіемъ, совершаемымъ въ церкви. Въ церкви, также на не высокомъ помѣщеніи, находимъ скамьи, рѣзные клиросы и церковную казну. Освѣщались церкви двумя или тремя окнами съ двухъ сторонъ. Алтарь былъ о 5 стѣнахъ и покрывался на 5 скатовъ; самая церковь съ фасада состояла изъ одного или нѣсколькихъ срубовъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ; послѣдній изъ нихъ увѣнчивался куполомъ съ главкой. Нѣсколько сѣвернѣе замѣчаются церкви построенные по плану въ видѣ креста; покрышка такихъ церквей почти всегда шатровыя. Развитый типъ подобнаго плана видѣнъ на рисункѣ Шенкурскаго собора (рисунокъ находится на выставкѣ). Подвигаясь къ берегамъ р. Двины замѣчаемъ типъ плана восьми угольника, къ сторонамъ коего постепенно дѣлаются прирубы, такъ что получался новый типъ креста. Эти—церкви «холодныя» въ отличіе отъ теплыхъ, называемыхъ «клецки». Послѣднія отличаются крайнею простотою своего устройства. Кромѣ этихъ типовъ референтомъ были показаны на рисункахъ одноглавые, трехглавые и девятиглавые церкви. Что касается колоколенъ, то изъ исторіи развитія ихъ видно, что выработанность пріемовъ въ каменныхъ постройкахъ явилась лишь въ XVII вѣкѣ. Эти пріемы заимствованы у построекъ деревянныхъ: колокольни состоятъ изъ высокаго сруба, одѣвающій ея скелетъ, скелетъ, состоящій изъ вертикальныхъ, а иногда и наклонныхъ бревенчатыхъ стоекъ, на верхнихъ концахъ которыхъ покоился рубленный карнизъ; на карнизѣ устраивался шатеръ, украшенный гонтомъ въ-чешую; наружная часть стоекъ обдѣлывалася въ видѣ колонны. Лѣстница была или вся внутри, или на половину, при чемъ наружная часть лѣстницы имѣла рундуки, украшенные богатой рѣзьбой; наконецъ, референтъ продставилъ описаніе наиболѣе интересныхъ типовъ деревенскихъ избъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ. Описаніе сопровождалось объясненіемъ на чертежахъ и рисункахъ (находятся на выставкѣ). Въ этомъ краѣ, въ «лѣсной землѣ», закончилъ свой рефератъ г. Сусловъ, выработалось самостоятельное зодчество, развивавшееся при помощи своихъ собствен-

ныхъ силъ. Оно во многомъ способно уяснить намъ мѣстные нравы и обычаи, оно дастъ намъ массу матеріала для исторіи художества въ нашемъ отечествѣ. Деревянныя постройки служили образцомъ для каменныхъ. Надо поторопиться изученіемъ этихъ памятниковъ отечественной древности, ибо уже близится время, когда они «совершенно исчезнутъ изъ нашей дорогой земли».

Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ сообщеніе по вопросу о томъ: «какая возможна въ современной наукѣ археологіи постановка вопроса о вліяніи въ области искусства вообще и византійскаго искусства въ частности». Вопросъ о вліяніяхъ есть вопросъ принципіальный, вопросъ метода или историческаго взгляда. Съ тѣхъ поръ, какъ эстетика отдѣлила искусство отъ литературы, миѳологіи и прочихъ «духовныхъ» областей дѣятельности народовъ и ограничила его по существу дѣятельностью формальною, не переставалъ существовать взглядъ, который видитъ во вліяніи лишь передачу и усвоеніе стиля, чуждой формы, ея языка. Лишь изрѣдка въ исторіи искусства подымается вмѣстѣ съ изученіемъ вліянія художественной формы и вопросъ о переносѣ духовнаго содержанія, ея мысли. Между тѣмъ, если всякій художественный типъ есть историческое выраженіе мысли, и оба способны къ историческому развитію, то ясно, что подъ вліяніемъ должно разумѣть то двоякое, но цѣльное вліяніе идеи и формы, которое одно и подвигаетъ впередъ художественную среду, его вліянію подверженную. Но здѣсь должно различать вліяніе отъ заимствованія, перениманія одной формы. Различіе-же того и другаго въ томъ, что въ первомъ случаѣ получается матеріалъ, годный для развитія, во второмъ быстро наступаетъ искаженіе формы.

Нынѣ все съ большею и большею силою развивается полемика между двумя возрѣніями, но явно будетъ верхъ отвоеваніе, такъ сказать, мѣстнаго національнаго искусства въ исторіи изъ подъ *ига* византійскаго вліянія. Уже стало невозможнымъ видѣть, въ этомъ вліяніи лишь вопросъ о перениманіи предметовъ роскоши, техническихъ производствъ, придворныхъ вкусовъ. Лейпцигскій профессоръ А. Шпрингеръ переводитъ весь вопросъ о вліяніи Византіи на научную почву: византійское искусство по своему содержанію представляло развитіе догматической стороны; такъ какъ эта сторона была чужда западу, то и самое это искусство вліяло лишь изрѣдка формою, не касаясь содержанія, не господствовало на западѣ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, но было также локализовано, какъ и всѣ искусства остальныхъ народовъ.

Но, вѣдь, надо доказать, что западъ не имѣлъ нужды въ усвоеніи внутренней формы византивизма, а такое доказательство будетъ соотвѣтствовать исторіи. Утвержденіе уважаемаго ученаго, что для запада не существуетъ византійскаго вопроса, преждевременно. Приступая къ изслѣдованію византійскаго вліянія, археологія должна быть и крайне осторожною въ своихъ заключеніяхъ и, главное, постоянно различать заимствованіе формъ отъ собственнаго вліянія, объяснять вліяніе формъ поступленіемъ въ обращеніе извѣстнаго круга идей и распредѣленія этого вліянія по періодамъ. Что византійское искусство не только оставило свои памятники въ Италіи и что мозаики Сициліи, южной Италіи, Венеціи не стоятъ особнякомъ, доказывается тѣмъ, что даже начала итальянской скульптуры стоятъ въ зависимости отъ техническаго вліянія Византіи, а есть и цѣлыя серіи произведеній, въ которыхъ все содержаніе византійское. Византійское вліяніе питало живопись уже въ такое время, когда итальянская живопись была на полномъ ходу своего развитія и, казалось, о Византіи не могло быть и рѣчи. Референтъ подкрѣпилъ свое положеніе указаніями на иллюстрированные кодексы XIII—XIV столѣтій, миніатюръ, и т. д. По мнѣнію референта, здѣсь исторія вліянія сводится къ исторіи преданія, безъ котораго нѣтъ преемственности и прогрессивнаго развитія. Византія, переставая жить сама, жила для другихъ юныхъ народовъ, приготовляя имъ формы культуры и искуства, закрѣпощая ихъ въ шаблонъ и священное преданіе, чтобы имъ было легче усвоить данное. Видя, какъ извѣстныя, повидимому, боковыя, сначала второстепенныя школы, храня преданіе, внезапно выходятъ на передній планъ, освѣщая истощенныя силы школы господствующей, какъ школы Сіены и Умбріи смѣняютъ Флоренцію, мы убѣждаемся, что исторія вліянія не есть исторія ига, но исторія духовнаго развитія.

Прочтеніе реферата г. *Султанова* «объ

историческомъ развитіи типа колоколенъ» отложенъ, по просьбѣ его автора, до слѣдующаго засѣданія.

Затѣмъ, засѣданіе было закрыто въ 3 часа дня.

Памятники язычества.

Засѣданіе 20 августа.

Почетный предсѣдатель І. Р. Аспелинъ, постоянный—кн. Путятинъ.

Г. Бранденбургъ предложилъ рефератъ «*Какія фибулы встрѣчаются въ древнихъ могилахъ Европейской Россіи?* Географическое распространеніе фибулъ можетъ служить новой руководящей нитью въ изученіи торговыхъ путей нашихъ предковъ въ курганномъ періодѣ. Авторъ по низовьямъ рѣкъ Паши, Воронеги и Сяси нашелъ слѣдующія категоріи фибулъ: 1) Скорлупообразныя. Типъ этотъ представляетъ три разновидности: а) фибулы составныя, изъ овальной получашки, в) сплошныя безъ накладки и с) сплошныя-же, но безъ выступовъ на лицевой сторонѣ, украшенной весьма типичнымъ выдавленнымъ орнаментомъ. Первый видъ встрѣчается чаще; величина всѣхъ почти одинакова. Второй видъ—рѣже; бываютъ разной величины, соединенные иногда цѣпью. Третій встрѣченъ былъ только одинъ разъ. Всѣ эти скорлупообразные типы найдены были въ сѣверной половинѣ Россіи, также близь Смоленска и Динабурга; на сѣверѣ—въ Финляндіи. Подобныя фабулы находятся въ могилахъ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Шотландіи и Ирландіи, и было предположеніе, что издѣлія эти шли въ древнюю Русь съ запада. Въ послѣднее время мнѣніе это подвергается сомнѣнію, вслѣдствіе различныхъ видовъ скорлупообразныхъ фибулъ, ихъ разнообразныхъ химическихъ составовъ и ихъ различной орнаментаціи; странно также то обстоятельство, что въ вотской пятинѣ, часто приходившей въ соприкосновеніе съ западомъ, не находятся подобныя фибулы. 2) Круглыя, щитообразныя въ видѣ бронзоваго слегка выпуклаго кружка; представляютъ тоже два вида: а) составныя и б) сплошныя. Эти фибулы находились въ курганахъ съ погребеніемъ и трупосожженіемъ. Относительно этихъ фибулъ можно сдѣлать то же замѣчаніе, что и о первыхъ фибулахъ, т. е., что трудно допустить, чтобы онѣ всѣ произошли изъ Скандинавіи, въ виду существенныхъ отличій въ ихъ орнаментаціи. 3) Третій типъ—брошкообразныя встрѣчается очень рѣдко. Затѣмъ найдены совершенно своеобразные типы, единичные.

Нѣкоторыя замѣчанія по этому вопросу представилъ *проф. Анучинъ*. Изъ имѣющихся данныхъ можно заключить съ очень большой вѣроятностью, что населеніе Россіи воспринимало эти украшенія съ запада: въ то время, какъ на западѣ замѣчается извѣстная постепенность въ развитіи фибулъ, у насъ этой постепенности нѣтъ. Встрѣчаются фибулы на Кавказѣ, но и тамъ нѣтъ постепенности въ ихъ развитіи.

Слѣдующее сообщеніе принадлежало г. Анучину. «*О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей*». Въ древнѣйшихъ могилахъ Европ. Россіи мечи встрѣчаются очень рѣдко, что объясняется тѣмъ, что населеніе средней Россіи дольше находилось въ каменномъ вѣкѣ, что оно жило болѣе мирной жизнью и было болѣе бѣдно. Культура «бронзоваго» вѣка коснулась только нашихъ окраинъ; въ средней-же Россіи каменный вѣкъ смѣнился, повидимому, непосредственно желѣзнымъ. Кромѣ средней Россіи, бронзовыхъ мечей также нѣтъ въ Сибири и дальше на востокъ. Такимъ образомъ, въ большей части Россіи мечъ былъ желѣзный, заимствованный у народовъ, населявшихъ раньше Россію. Мечи эти сдѣла-

ны изъ самаго плохаго металла (такое-же плохое оружіе имѣли и древніе германцы). Раскопки кургановъ XI—XIII в.в. указываютъ на усвоеніе иноплеменныхъ образцовъ мечей, западныхъ—скандинавскихъ, восточныхъ—тюрко-монгольскихъ. Первые мечи довольно длинные, широкіе, прямые, обоюдоострые; мечи эти были найдены исключительно въ западной окраинѣ, отъ Балтійскаго моря до Днѣпра. Въ бассейнѣ Волги съ XI в. встрѣчаются мечи иного типа, представляющіе длинныя сабли. Форма сабли была извѣстна съ древнѣйшихъ временъ, кое-гдѣ и на западѣ, но тамъ она не удержалась; наоборотъ, на востокѣ, въ Персіи, Индіи и у тюркскихъ племенъ сабля вытѣснила прямой мечъ и была усвоена также русскими, поляками и другими народами. Сабли встрѣчаются въ курганахъ Мери, древней Мордвы, Нижняго Поволожья и Терской области. Послѣ монгольскаго ига сабля входитъ въ составъ русскаго вооруженія. Въ курганахъ средней Россіи встрѣчаются и мечи съ вогнутымъ лезвіемъ, похожіе на ятаганы (такіе мечи встрѣчались у этрусковъ и грековъ). Сабля вытѣснила у насъ мечъ, который не успѣлъ развиться до такихъ формъ, какъ на западѣ.

Возражали референту гг. Самоквасовъ, Безсоновъ, Иловайскій и Бранденбургъ.

Сообщеніе профес. Варшавскаго университета Мѣржинскаго «*О прусскомъ Ромове*», различные разсказы о которомъ имѣютъ своимъ источникомъ сочиненіе Симона Грунау. Преданіе слѣдующее: въ Надровѣ лежала Ромове; тамъ стоялъ огромный дубъ, лѣтомъ и зимой покрытый зеленью. На дубѣ было 3 истукана; тамъ-же были построены жилища для Криве (одинъ изъ боговъ литовскаго эпоса) и его вайдельготовъ; передъ дубомъ горѣлъ вѣчный огонь.

Референтъ на основаніи сочиненій Петра Дуснура, нѣкоторыхъ договоровъ, преданій и пѣсенъ критикуетъ этотъ разсказъ. Надлежитъ разсмотрѣть 3 вопроса: 1) О мѣстности. Ромове дѣйствительно лежало въ Надрове. Слово «Ромове» означаетъ священное мѣсто (корень «ромъ» означаетъ нѣчто священное). 2) О священномъ дубѣ. Тамъ существовали священные лѣса и рощи; также почитались отдѣльныя деревья, смотря по виду, который они принимали. Литовцы вѣрили, что въ такомъ деревѣ проживаетъ божество, а именно: между корой и сердцевиной. 3) О трехъ истуканахъ. Референтъ отрицаетъ существованіе истукановъ въ Литвѣ; что касается слова idolus, то христіанскіе писатели обозначали этимъ именемъ всѣ языческія божества, были-ли они истуканы или другой предметъ. Слова, которыми писатели обозначали существованіе истукановъ въ Литвѣ, обозначаютъ совершенно другое, а именно—священный камень. До сихъ поръ въ Литвѣ не были найдены истуканы.

Возражали референту г. Иловайскій, гр. Уваровъ, и князь Путятинъ. Референтъ на сдѣланныя ему замѣчанія давалъ разъясненія.

Засѣданіе было закрыто въ $12^1/_2$ ч. дня.

Отдѣленіе классическихъ древностей.

Вечернее засѣданіе 20 августа.

Первымъ читался рефератъ подъ заглавіемъ: «нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго изъ лапидарныхъ и нумизматическихъ памятниковъ», рефератъ читалъ А. М. Подшиваловъ.

По мнѣнію референта, новыя находки надписей и монетъ на югѣ Россіи заставляютъ перемѣнить старые иногда ошибочные взгляды историковъ на этотъ предметъ. Этимъ вопросомъ начали заниматься особенно въ 50 и 60 годахъ текущаго столѣтія; особенно замѣчательны труды Кене; но новыя открытія опровергаютъ нѣкоторыя изъ его

положеній', хотя окончательный выводъ о предметѣ врядъ-ли можно будетъ сдѣлать скоро.

Авторъ находитъ, что главнѣйшее вниманіе должно быть обращено на форму правленія въ упомянутомъ мѣстѣ и на разграниченіе эпохи республиканской отъ монархической. По кн. Сибирскому, колоніи на Босфорѣ основаны въ V в. до Р. Х., и около этого-же времени образовалась сильная аристократія, а изъ словъ Діодора сиц. видно, что цари назывались археонактидами и что владѣнія сначала были не велики. Со вступленіемъ династіи спартокидовъ выработалась форма правленія архонтовъ-царей» (архонтовъ для грековъ и царей—для варваровъ), при которой колонія, благодаря сношенію съ Афинами, достигла высшей степени процвѣтанія, какъ въ культурномъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ. Къ этой-то эпохѣ и относится интересный памятникъ, по смыслу котораго можно допустить, что въ одно время въ Колхидѣ царствовали два царя и притомъ одновременно.

Далѣе авторъ вноситъ нѣкоторыя поправки въ общепринятую хронологію занимающаго насъ вопроса и заявляетъ тотъ фактъ, что «государство было раздѣлено первый разъ между сыновьями Левкона I, а не Перисада I».

Около 284 года форма правленія Босфора начинаетъ мѣняться, переходя постепенно въ монархическую. Это видно изъ того, что правители прививаютъ себѣ просто титулъ «царя», вмѣсто «архонта-царя».

Далѣе авторъ даетъ перечень царей Босфора и переходитъ къ той эпохѣ, когда Босфоръ былъ покоренъ Митридатомъ VI. Это время, время упадка колоній, должно отнести къ 112—95 г.

Мы не можемъ болѣе подробно остановиться на этомъ спеціальномъ докладѣ и переходимъ прямо къ заключительнымъ словамъ автора: «Изъ прочитаннаго мной, мм. гг., вы могли убѣдиться въ той важности монетъ, какъ памятниковъ, пополняющихъ тѣ скудныя знанія о Босфорѣ, оставленныя намъ древними, а потому обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, завѣдующимъ нумизматическими кабинетами, а также и къ частнымъ владѣльцамъ нумизматическихъ коллекцій неотказать въ сообщеніи о новыхъ, могущихъ быть найденными монетахъ, опубликовывая ихъ и этимъ самымъ помогая исправленію ошибокъ и рѣшенію многихъ спорныхъ вопросовъ по Босфору».

Эти заключительныя слова автора тѣмъ болѣе понятны, что почти всѣ данныя реферата добыты имъ, благодаря изученію монетъ.

Второй прочитанный рефератъ г. Латышева имѣлъ своимъ содержаніемъ «государственное устройство Херсонеса», но такъ какъ онъ былъ напечатанъ особенной брошюрой, то мы не будемъ останавливаться на немъ.

Третій рефератъ (записка Дюбрюкса) «нѣсколько замѣтокъ о различныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи», интересенъ намъ въ томъ отношеніи, что касается мѣстности, такъ близкой и такъ знакомой намъ.

Референтъ описываетъ гробницы, которыя «вырублены въ скалахъ отъ $2^1/_2$ до 3 аршинъ надъ материкомъ, вышиною отъ $1^1/_2$ до 2 арш., длиною до 3 арш. На днѣ гробницъ скелеты и глиняная посуда грубой работы». Эти гробницы, судя потому, что онѣ находятся около стѣнъ городовъ циклопическаго типа (безъ цемента), очень древни и авторъ приписываетъ ихъ киммерійцамъ.

Могилы открытыя авторомъ въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, видимо новѣе, такъ въ нихъ встрѣчаются бронзовыя издѣлія, а въ одной даже золото. Въ этихъ могилахъ были найдены скелеты, положенные на устроенныхъ лежанкахъ съ подушечками подъ головами и въ одеждахъ, похожихъ на одежду черкесовъ.

Мы не можемъ подробно описывать этихъ могилъ, находящихся на сѣверной сторонѣ горы Митридата, а только скажемъ, что авторъ различаетъ тутъ 6 родовъ могильныхъ памятниковъ: 1) могилы скифовъ, 2) могилы первыхъ грековъ и, наконецъ 3) могилы тоже грековъ, но болѣе позднія.

Четвертый родъ могилъ—это *склепы* до 2 сажень вышины.

Пятый — склепы такой-же архитектуры но или оштукатуренные известью, или краснымъ цементомъ.

Наконецъ, шестой родъ, къ сѣверу отъ Керчи, это склепы съ курганами, подъ которыми обыкновенно и находятся могилы изъ

камней. Въ одномъ изъ такихъ склеповъ были найдены двѣ вазы.

Далѣе авторъ переходитъ къ еще неоконченной раскопкѣ на горѣ Опукѣ. Дѣлая раскопки, авторъ нашелъ двѣ каменныя плиты, отнявъ которыя, онъ открылъ что-то въ родѣ колодца въ $2^1/_2$ аршина въ діаметрѣ, оштукатуреннаго краснымъ цементомъ. При выемкѣ земли изъ него, тамъ были найдены обломки вазъ, изящной работы. На глубинѣ 2 саж. колодезь принялъ 8 ми-угольную форму, а дно его было устлано прекрасной мозаикой. Мозаика эта, прянятая сначала за мраморную, была расположена лучами отъ центра къ краямъ. Это дно составляетъ, вѣроятно, покрышку подземелья, которыхъ въ этой горѣ нѣсколько. Нѣкоторыя препятствія не позволили автору довести эту работу до конца, или вынуть, по крайней мѣрѣ, хотя образцы мозаики для помѣщенія ея въ керченскомъ музеѣ и потому начатыя работы почти пропали: ихъ засыпали татары опять землей, говорятъ, въ томъ соображеніи, что со дна могилы выходилъ злой духъ.

Г. Помяловскій прочелъ, за отсутствіемъ Д. Г. Тизенгаузена, рефератъ: «Неизданные записки и труды Дюбрюкса».